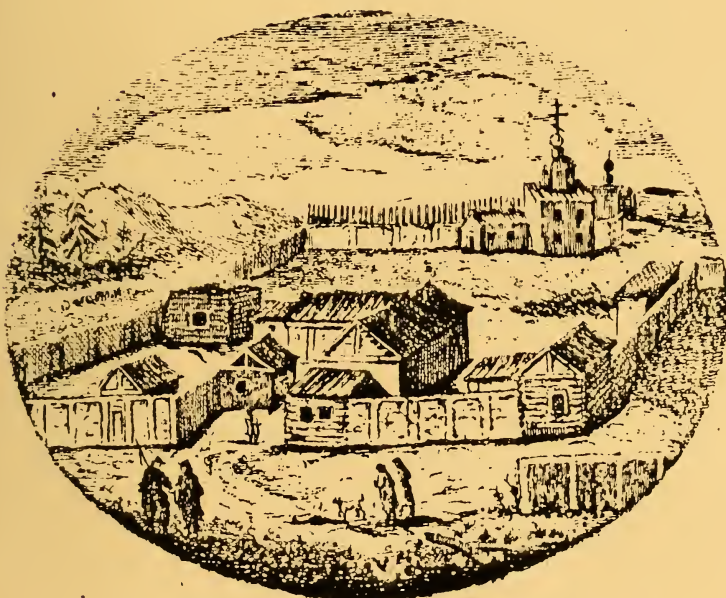

THE LIBRARY OF CONGRESS

КНЯЖНА МЕНШИКОВА.

КНЯЖНА МЕНШИКОВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Видъ церкви, построенной Меншиковымъ въ Березовѣ и острога, въ которомъ онъ содержался съ семействомъ.

1833.

Княжна Марія Александровна
Меншикова.

Bantysh-Kamenskiĭ, D.N.

КНЯЖНА МЕНШИКОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Съ портретомъ.

Elle était de ce monde, où les plus belles choses
Ont le pire destin;
Et, rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

MALHERBE.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.
1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 22 дня, 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ГЛАВА I.

«Какъ ты думаешь, Дарья Михайловна — сказалъ, однажды, Меншиковъ своей супругѣ въ 1721 году — какъ ты думаешь: за кого-бы намъ выдать Машиньку, когда она достигнетъ совершеннаго возраста?«—»Рано затѣваешь, Александръ Данилычъ—отвѣчала жена его — она еще ребенокъ. За женихами дѣла не станетъ. Ты и знатенъ, и богатъ, а Машинька наша неописанная красавица. Ее и безъ приданаго возьмутъ у насъ; такія дѣвицы дома не засиживаются. « — » Такъ— продолжалъ Меншиковъ — да нехудо-бы намъ подумать объ этомъ заблаговременно. Я признаюсь тебѣ, Княгиня,

чшо съ нашею брашьею, Боярами — Русскими, нѣшъ мнѣ охошы роднишься. Долгорукіе и Голицыны кичашся передо мною своимъ происхожденіемъ и часто въ усъ мнѣ не дуюшъ, особливо когда Государь на меня гнѣваешся. « — » Да развѣ, кромѣ ихъ, и нѣшъ знашныхъ фамилій въ Россіи? « — » Каковы они, шаковы и прочіе; всѣ на одинъ покрой: хороши шогда шолько, какъ намъ везешъ! По неволѣ подумаешь о будущемъ, когда каждый день испышываешь огорченія разнаго рода. « — » Кшо ихъ не имѣешъ, Александръ Данилычъ! Мы еще должны благодаришь Бога за всѣ Его милосши: не намъ ропшашь. Вспомни: чѣмъ шы былъ прежде и чѣмъ шеперь? « — » Но на сію сшепень возвели меня заслуги, оказанныя Ошечесшву и Государю? Я никому не обязанъ, а самъ проложилъ себѣ дорогу. « — » Еслибъ Пешръ Алексіевичъ не умѣлъ цѣнишь швоей службы, шакъ не вывелъ-бы шебя въ чины. Ты бранишь другихъ за гордосшь, а самъ гордишься болѣе всѣхъ. Благодарносшь первая добродѣшель въ человѣкѣ. Грѣш-

но намъ роптать на Царя, если-бъ Онъ, даже, и не былъ благодѣтелемъ нашимъ.«— »Хороши благодѣянія его—прервалъ Меншиковъ съ досадою—вездѣ начеты, вездѣ взысканія! Послѣдній подъячій можетъ грубить мнѣ, Генералъ-Фельдмаршалу и Свѣтлѣйшему Князю, доносить на меня и ему даютъ вѣру, и я еще остаюсь виноватымъ (1)! — Слѣдственная Канцелярія осмѣливается угрожать посадить меня подъ стражу (2)! До чего я дожилъ, и ты еще споришь со мною! «— »Да вольно тебѣ не платить шести тысячь рублей, отзываться неимѣніемъ. Какъ перо не выпало изъ рукъ твоихъ, когда умолялъ ты Государя простить тебѣ сей долгъ !« — » Жена — произнесъ Меншиковъ сердитымъ голосомъ— не тебѣ судить меня съ Царемъ! Не ты нажила имѣніе, которымъ мы нынѣ владѣемъ. Для пріобрѣтенія онаго я нѣсколько разъ жертвовалъ жизнію на бранномъ полѣ; терпѣлъ побои отъ Петра, стыдъ. Ты любишь досаждать мнѣ, ты растравляешь только сердечныя мои раны. « — На глазахъ Меншиковой навер-

нулись слезы : она пристально взглянула на мужа , какъ-бы желая напомнить ему о своей пламенной любви , испытанной вѣрности ; но Меншиковъ обратилъ грозный взоръ въ другую сторону. Глубокое молчаніе царствовало въ комнатѣ. Тогда маленькая , горбатая дѣвушка пожилыхъ лѣтъ , блѣдная , худощавая , отворила дверь , нѣсколько минутъ смотрѣла съ любопытствомъ на Меншикова и жену его , потомъ подошла къ первому , ударила его слегка по рукѣ и сказала : » О чемъ задумался Данилычъ? Ужель сестра моя еще тебѣ досадила ?« — » Она любитъ спорить — отвѣчалъ Меншиковъ. — Разсуди , кто правъ , кто виноватъ : я-ли болѣе сдѣлалъ для Царя , или Царь для меня ? « — » Нечего спрашивать — продолжала Варвара Михайловна Арсеньева — ты спасъ Ему жизнь ; ты на Полтавскомъ полѣ и при Переволочнѣ уничтожилъ сильнаго врага Его; ты увеличилъ милліонами рублей Казенные доходы. . . . « — » И изъ низкаго состоянія пожалованъ Фельдмаршаломъ , Княземъ Ижерскимъ , награжденъ многи-

ми деревнями, нажилъ себѣ милліоны! «— прервала ее Княгиня Меншикова. —»Сестра — возразила Арсеньева — ты обижаешь своего мужа, ругаешься надъ нимъ. « — » Я люблю его и не умѣю льстить, вотъ вся вина моя. « — » Можно не соглашаться, но къ чему колкія напоминанія? « — »Кто будетъ говорить ему правду, когда кровные, даже, стараются угождать неограниченному честолюбію его? « — » Слышишь, Варвара: я неблагодаренъ, я честолюбивъ, и этимъ упрекаетъ жена моя! « — » Плюнь на ея слова—отвѣчала Арсеньева — она не умѣетъ цѣнить твои заслуги и достоинства. Но съ чего у васъ начался споръ? « — » Я спрашивалъ ее: за кого намъ выдать старшую дочь, когда она достигнетъ совершеннаго возраста? «— » Ты правъ: пора намъ подумать хорошенько объ этомъ. Маша уже не ребенокъ: ей одиннадцатый годъ, а Трубецкая выдана за Князя Кантемира въ 1717 году на тринадцатомъ отъ рожденія. « — » То-то голова — сказалъ Меншиковъ съ пріятною улыбкою — не од-

ними словами, но и примѣрами убѣждаетъ!« — » Не меня только — возразила Княгиня Меншикова — старикъ женился на ребенкѣ и мы должны жертвовать ребенкомъ своимъ! « — »Теперь дѣло идетъ не о пожертвованіяхъ—прервала сестру Арсеньева-: за кого-бы ты думалъ, со временемъ, выдать Машу? «—» Ей, ей не знаю: всю голову себѣ разломалъ, помышляя о женихахъ! Примѣры Головина и Девіера не льстятъ меня: одинъ, работавши на мельницѣ восемь дней, съ ума сошелъ (3); другой частехонько пляшетъ у Государя подъ дубинкою, а сестры мои, между тѣмъ, проливаютъ горкія слезы, навѣрно клянутъ меня, что я нашелъ имъ такихъ мужей! « — » Твоя правда, Данилычъ — продолжала Арсеньева — опасно выдавать нашихъ дочерей за Бояръ Русскихъ: громко названіе и только! Въ иностранныхъ земляхъ, навѣрно, если вздумаешь, найдутся лучшіе женихи. « — » Конечно найдутся — сказалъ Меншиковъ, возвысивъ голосъ — тѣмъ болѣе, что Маша у насъ не безприданница: я ей отсчитаю ты-

сячь до ста рублей. « — » Данилычъ—возразила со вздохомъ нѣжная мать — не погуби дочери. Мы всѣ родились на святой Руси: къ чему искать счастія въ чужихъ Государствахъ? « — » Вездѣ живутъ добрые люди — отвѣчалъ Меншиковъ — въ старину пугали отцевъ нашихъ чужія страны, а теперь, когда мы познакомились съ оными или, лучше сказать, когда слава познакомила иноземцевъ съ нами, мы и у нихъ, какъ у себя. Впрочемъ, къ чему искать за морями? Польша, почти тоже, что и Россія, Государство сосѣднее, нынѣ дружелюбное, гдѣ, кромѣ вѣры, языкъ почти одинакій, гдѣ у меня много пріятелей, людей знатныхъ, богатыхъ! « — » Я до безпамяти люблю Поляковъ—сказала Арсеньева — они такъ любезны, ловки! « — » Знаешь-ли сестра—прервалъ ее Меншиковъ — шутки въ сторону: у Старосты Бобруйскаго Графа Яна Сапѣги есть сынъ, дѣтина хоть куда. Не намѣкнуть-ли мнѣ старику? « — » Съ Богомъ—отвѣчала Арсеньева—выдавай ее за Графа, а тамъ его можно будетъ произ-

весть и въ Князья! Римскій Императоръ тебѣ ни въ чемъ не отказываетъ «.

Симъ кончилось семейное совѣщаніе, въ которомъ одно лице принуждено было уступить двумъ.

» Сестрица! скоро пріѣдетъ къ намъ гость изъ Варшавы! Тетушка шепнула мнѣ на ухо, что онъ лучше всѣхъ здѣшнихъ кавалеровъ, пригожѣе, умнѣе, любезнѣе; говоритъ на многихъ языкахъ; танцуетъ отлично; будетъ забавлять насъ, играть съ нами! «—» Ахъ! какъ я рада—отвѣчала Княжна Александра Меншикова — я познакомлю его съ своими куклами! « — » И я также, сестрица. Онъ, какъ сказывала тетушка, мастерски разговариваетъ съ ними. « — » Да гдѣ эта Варшава? Когда мы его увидимъ?«— » Тетушка увѣряетъ, что скоро, очень скоро « — и, говоря о будущемъ гостѣ, обѣ сестры начали забавляться игрушками, представлять ожидаемаго посѣтителя. Счастливое, беззаботное время! Какъ мгновенно проходишь ты!

Теперь надобно познакомить читателя съ Княжною Маріею: природа одарила ее неописанными прелестями, образовала стройный станъ ея, одушевила лице, на которомъ всегда игралъ нѣжный румянецъ, огненными черными глазами, обворожительною улыбкою, бѣлизной заставлявшею, потомъ, не одну Придворную даму морщиться съ досады. Она росла и прелести развивались съ нею; отличное воспитаніе, музыка, танцы еще болѣе возвышали ея красоту. Всѣ восхищались милымъ ребенкомъ, никто не смѣлъ льстить себѣ союзомъ родственнымъ съ могущественнымъ и властолюбивымъ Вельможею. — Въ это самое время явился въ С. Петербургъ Графъ Петръ Сапѣга, юноша ловкій, прекрасный, ежедневно посѣщалъ домъ Меншикова, танцовалъ съ невѣстою своею, забавлялъ ее невинными играми, носилъ, въ угодность будущему тестю, алый бархатный кафтанъ съ зеленою подкладкою и зеленые чулки (4). Молодые люди завидовали счастливцу, особливо когда четырнадцатая весна начала

украшать Марію, когда сердце ея стало биться сильнѣе и любовь овладѣла мыслями. Княжна Александра, которая была только годомъ моложе сестры, продолжала рѣзвиться, играть въ куклы, мѣняла нѣсколько разъ въ день платья, раздѣляла всѣ забавы маленькаго брата своего, а Марія, прекрасная Марія не знала болѣе невинныхъ увеселеній, любила посѣщать *ассамблеи* (5) и среди самыхъ веселостей казалась задумчивою, грустною, какъ будто чего-то у нея не доставало. Тщетно Сапѣга, всегда съ нею танцовавшій, спрашивалъ красавицу: о чемъ думаетъ она?—Марія краснѣла, и принужденная улыбка еще сильнѣе выражала душевную скорбь. — Долго пылкій юноша не смѣлъ исхитить роковую тайну; наконецъ въ одинъ вечеръ, когда Меншиковъ праздновалъ воспоминаніе Калишской побѣды, одержанной имъ въ 1706 году; когда духовая музыка, составленная изъ трубъ, фаготовъ, гобоевъ и литавръ, раздавалась въ огромной залѣ его и вмѣстѣ съ пушечными выстрѣлами вокругъ дома, съ трескомъ

разныхъ увеселительныхъ огней и громкими восклицаніями народа, толпившагося у оконъ—заглушала шумные разговоры; когда вниманіе хозяина и гостей обращено было на Петра Великаго, благосклонно бесѣдовавшаго съ ними, Сапѣга, стоя подлѣ Маріи, которой придавала еще болѣе блеска богатая серебряная одежда, унизанная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, сказалъ ей со вздохомъ: » Княжна! Долго-ли скрывать вамъ отъ меня причину вашей задумчивости?—Прежде вы обходились со мною, какъ съ братомъ—дѣлили и радость и печаль; называли меня другомъ своимъ, женихомъ, а теперь, съ нѣкотораго времени, столь лестныя, пріятныя наименованія не радуютъ болѣе моего слуха, не восхищаютъ сердца. Вы не съ братомъ, не съ другомъ говорите, а съ Графомъ! Отъ чего послѣдовала такая перемѣна? Можетъ быть, я наскучилъ вамъ частыми посѣщеніями; въ такомъ случаѣ « — » Вы не можете никому наскучить—прервала Марія и еще болѣе покраснѣла. « — » И такъ, я не противенъ

вамъ? Вы продолжаете любить меня?«—»Графъ! я чувствую въ полной мѣрѣ всѣ ваши ласки. Мы привыкли видѣть въ васъ роднаго.«—»Маша—продолжалъ Сапѣга съ жаромъ, ухвативъ ея руку—Маша, прошу, заклинаю тебя не называть меня Графомъ, если хоть немного любишь своего Сапѣгу!«—»Что ты дѣлаешь, Петръ? Оставь меня. Всѣ смотрятъ на насъ; вотъ и тетушка приближается.«—»Такъ-ли у васъ въ Польшѣ проводятъ время?» спросила Арсеньева молодаго Графа, подошедши къ нему.—»И у насъ не безъ веселостей—отвѣчалъ онъ—но признаюсь вамъ, что для меня здѣсь веселѣе.«—Тутъ Сапѣга бросилъ значительный взглядъ на Княжну Марію.»Вы, Господа Поляки, умѣете льстить—продолжала Арсеньева—не даромъ называютъ васъ Сѣверными Французами.«—»Если правду принимаютъ въ Россіи за лесть; то я долженъ согласиться съ вами«—»Оставимъ комплименты—сказала Арсеньева—а сядемъ лучше здѣсь у окна: мы будемъ говорить на свободѣ и забавляться фейерверкомъ.

Кто-бы подумалъ, глядя на Государя, столь весело разговаривающаго теперь съ корабельнымъ мастеромъ, что Онъ сегодни чрезвычайно былъ гнѣвенъ. Александръ Данилычъ сказывалъ мнѣ, что и Архіепископу Ѳеофану Прокоповичу сдѣланъ строгій выговоръ. «— За что?«— спросилъ ее Сапѣга. — »Дѣльно—продолжала Арсеньева — никакіе происки, ни какое покровительство Царедворцевъ не могутъ заградить невинно утѣсняемымъ дороги къ Престолу; никто не смѣетъ представлять Царю оправданій ихъ въ превратномъ видѣ. Купецъ Сердюковъ, живущій въ Вышнемъ Волочкѣ, по несправедливымъ нападкамъ, взятъ былъ подъ стражу, какъ раскольникъ, отосланъ въ Розыскную Коммиссію, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ содержался въ тяжкомъ заключеніи, безъ всякихъ допросовъ. Государь узналъ о семъ преслѣдованіи невиннаго, котораго подозрѣвали въ расколѣ потому только, что при закладкѣ фундамента каменнаго дома его, вырытъ изъ земли работниками крестъ желѣзный! Досталось клеветникамъ!« — »Вашъ Государь

справедливъ — сказалъ Сапѣга — но, говоря откровенно, и слишкомъ строгъ: нѣсколько лѣтъ тому пострадалъ отъ него невинно Сибирскій Генералъ Губернаторъ Князь Гагаринъ! « — » Ошибаетесь, Графъ — отвѣчала Арсеньева — злоупотребленія Гагарина были открыты, бумаги его находились въ рукахъ Государя: со всѣмъ тѣмъ онъ обѣщалъ ему помилованіе, требуя только откровеннаго сознанія въ винахъ; даже сынъ Гагарина обличалъ въ оныхъ отца своего; но послѣдній не склонился на просьбы его, на убѣжденія Царя и кончилъ жизнь постыднымъ образомъ. « —Тогда Арсеньева, взглянувъ на свою племянницу, спросила ее: »Что ты такъ не весела? Не больна ли? « — » У меня голова болитъ тетушка — отвѣчала Меншикова — здѣсь чрезвычайно душно, шумно! « — » Такъ поди къ себѣ, отдохни, а то можешь занемочь не на шутку. « — Меншикова встала съ креселъ; Сапѣга подбѣжалъ къ ней и подалъ руку. » Позвольте проводить васъ, Княжна, до вашихъ комнатъ « — сказалъ и, не ожидая отвѣта, удалился съ нею

отъ Арсеньевой. — » Погодите — кричала она имъ въ слѣдъ — погодите; я не догоню васъ! Какъ молодежъ тороплива! Какъ Польскій Графъ обрусѣлъ: вмѣсто того, чтобы дать руку теткѣ, онъ повелъ племянницу! О времена! О вѣкъ! « — Въ досадѣ на Сапѣгу, Арсеньева побѣжала за нимъ, продолжая кричать: » погодите; погодите « — но онъ успѣлъ сказать Меншиковой: « Маша, если ты меня любишь, если не желаешь моей смерти, доставь мнѣ счастіе объясниться съ тобою на единѣ: завтра, въ десятомъ часу вечера, я буду ожидать тебя близъ вашего дома, на берегу Невы Если ты хочешь, чтобы волны морскія поглотили меня, забудь о моей просьбѣ. «— Тогда Арсеньева схватила за руку племянницу свою: » насилу догнала я васъ — сказала она, запыхавшись— теперь вы можете возвратиться къ гостямъ, Графъ.« — » Но вы такъ устали! Позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ. « — » Весьма вамъ благодарна, Графъ. Прошу не безпокоиться. Вы любите молодыхъ, а я слишкомъ стара, чтобы доставить вамъ

удовольствіе своею бесѣдою. Спѣшите въ залу: тамъ ожидаютъ васъ множество красотъ.« — Сапѣга взглянулъ на Меншикову и произнесъ выразительнымъ голосомъ: »какъ теперь веселятся на берегу Невы! Что будетъ тамъ завтра, когда народъ разойдется?« — Она молчала, потупивъ взоръ свой и, вскорѣ, скрылась изъ глазъ его.

ГЛАВА II.

Домъ Князя Меншикова находился на Васильевскомъ острову, тамъ, гдѣ нынѣ первый Кадетскій Корпусъ; былъ въ тогдашнее время огромнѣйшимъ зданіемъ въ Петербургѣ. Украшеніемъ комнатъ служили: обои штофные и гобелиновые, подаренные Петру Великому въ Парижѣ, большіе бронзовые часы съ боемъ и курантами, люстры изъ цвѣтнаго хрусталя съ золотыми и серебряными вѣтьвями, большія Венеціянскія зеркала въ зеркальныхъ рамахъ съ позолоченными обручиками, Персидскіе ковры, столы на толстыхъ вызолоченныхъ ножкахъ съ выкладками изъ разноцвѣтнаго

дерева, представлявшими всякаго рода звѣрей и птицъ, диваны и стулья, обитые шелковыми тканями, съ высокими спинками, на которыхъ изображенъ былъ гербъ хозяина съ Княжескою короною. За домомъ простирался обширный садъ, лучшій въ Петербургѣ послѣ Царскаго, съ оранжереями, сараями фруктовыхъ деревьевъ, птичниками и небольшимъ звѣринцемъ (6).

Было девять часовъ утра. Меншиковъ сидѣлъ въ гостиной въ большихъ креслахъ; передъ нимъ стоялъ столикъ, на которомъ лежали разные иностранные *куранты* (7). Десятилѣтній сынъ его, Князь Александръ, переводилъ въ слухъ, на Русскій языкъ, любопытнѣйшія изъ нихъ статьи. Въ числѣ посѣтителей находились Генералъ-Адмиралъ Графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ и Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Петръ Андреевичъ Толстой: они сидѣли подлѣ хозяина. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стояли Генералъ Полиціимейстеръ Девіеръ и бывшій Оберъ-Прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ; у дверей, оконъ и за креслами

Меншикова Пажи, Каммеръ-Юнкеры и Каммергеры его двора, въ синихъ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и въ цвѣтныхъ шелковыхъ чулкахъ. Меншиковъ сыну: на нынѣшній день довольно переводить. Обними меня, Князь Александръ. Завидую тебѣ. *Что можетъ быть лучше труда и ученія въ молодыхъ лѣтахъ? Ты пріобрѣтаешь непримѣрное сокровище* (8)! Благодареніе Богу, Господа, міръ на землѣ, наконецъ, водворился; но люди все, какъ свирѣпые звѣри, если не рѣжутся между собою, такъ жгутъ несчастныя жертвы своего изступленія. Хорошо, что мы родились не въ Испаніи, а въ Россіи!

Апраксинъ. — А насъ еще называютъ просвѣщенные народы *варварами!*

Толстой. — Называли, Графъ; но Государь, нынѣ благополучно Царствующій, доказалъ имъ, что они ошибались.

Апраксинъ. — Такъ, Отецъ нашъ много сдѣлалъ для Отечества; по всей справедливости заслужилъ наименованіе *Великаго.*

Меншиковъ.—Образованіе войскъ, устройство флота, дарованные намъ законы, славная война съ Карломъ XII пріобрѣли ему безсмертіе; но Прутскій походъ и война Персидская къ чему послужили?

Апраксинъ.— Легко ты [illegible]ишь, Александръ Данилычъ, о важныхъ дѣлахъ: я находился въ обоихъ походахъ. Турки и Татары принудили насъ ополчиться; не будь измѣнника Бранкована, Волошскаго Господаря: Порта возчувствовала-бы силу оружія Русскаго. Походъ въ Персію предприняшъ также съ похвальною цѣлію: мы должны были обезопасить себя со стороны мятежниковъ, поколебавшихъ престолъ Шаха. Торговля наша упадала.

Меншиковъ. — Подъ Прутомъ Екатерина обезсмертила имя свое.

Толстой. — Но дары ея не убѣдили-бы Визиря безъ краснорѣчія Шафирова.

Меншиковъ. — Не напоминай мнѣ объ этомъ бездѣльникѣ: жаль, что онъ вывернулся изъ-подъ топора.

Толстой. — Онъ пострадалъ напрасно, Александръ Данилычъ, и ты отдашь Богу отчетъ за него!

Меншиковъ.—Защищай! Вы вѣдь вмѣстѣ сидѣли въ тюрьмѣ Цареградской.

Апраксинъ. — Шафировъ, точно, имѣетъ умъ обширный, а языкъ слишкомъ длинный: еслибъ онъ не такъ горячился въ Сенатѣ: то доселѣ оставался-бы Подканцлеромъ и Сенаторомъ.

Меншиковъ. — Дѣла и безъ него идутъ своимъ порядкомъ. Онъ былъ не столько Министръ, какъ промышленникъ: любилъ обогащаться, и меня ввелъ въ значительные убытки.

Толстой.—Не тебѣ винить его, Александръ Данилычъ: Богъ вѣсть, кто изъ васъ двухъ былъ хозяинъ и товарищъ!

Меншиковъ съ примѣтною досадою: Петръ Андреичъ! Если я вторый Шафировъ по торговымъ оборотамъ, то не забудь, что ты участвовалъ въ Стрѣлецкомъ бунтѣ.

Толстой, вставая съ креселъ. — Въ лѣтахъ юныхъ я могъ быть введенъ въ

заблужденіе: но Государь, видя мое живѣйшее раскаяніе, простилъ меня; я загладилъ, потомъ, вину свою, пользуюсь любовію, довѣренностію Царскою и не тебѣ упрекать меня прошедшимъ (9).

Меншиковъ.—Желалъ-бы я знать: чѣмъ ты меня упрекнешь?

Толстой. — Не ты-ли погубилъ и несчастнаго Царевича (10)?

Меншиковъ, съ сердцемъ. — Толстой! О Царевичѣ ни слова болѣе. Его погубила мать.

Толстой. — И Царица тебѣ обязана ссылкою.

Меншиковъ. — Зачѣмъ-же ты не ходатайствуешь въ ея пользу у Государя?

Апраксинъ.—Господа, полно спорить. Что скажетъ объ насъ молодежь, присутствующая здѣсь? Хозяинъ долженъ хранить гостепріимство и намъ не слѣдуетъ уклоняться отъ правилъ благоприличія. Мы не подпили еще, а шумимъ точно какъ на пирушкѣ Кто изъ насъ можетъ похвалиться совершенствомъ? Языку не всегда надобно волю давать.

Толстой, вынимая карманные часы: — Мнѣ должно ѣхать во Дворецъ. Желаю вамъ счастливо оставаться!

Апраксинъ, вставъ съ креселъ.— А я отправлюсь въ Адмиралтейство.

Меншиковъ беретъ его за руку. — Прощай, Графъ. Спасибо, что не забылъ меня. А Толстой, посидѣвъ въ Турецкой тюрьмѣ, и нравомъ сталъ походить на Турка. Не понимаю, какимъ великимъ умомъ его восхищается Государь!—Девіеръ! Готова-ли моя лодка?«— »Готова, Ваша Свѣтлость« — отвѣчалъ Генералъ-Полиціимейстеръ и полетѣлъ впередъ, чтобы разогнать любопытный народъ, толпившійся на улицѣ.

Любимецъ Петровъ, выходя на берегъ Невы съ многочисленною свитою, садился, обыкновенно, въ лодку, обитую внутри зеленымъ бархатомъ и раззолоченную снаружи. Она причаливала къ Исакіевской пристани, гдѣ нынѣ Сенатъ. Тамъ ожидала Меншикова карета, сдѣланная на подобіе вѣера, на низкихъ колесахъ, съ золотымъ гербомъ на двер-

цахъ, большою Княжескою короною изъ того-же метала на имперіялѣ и запряженная шестью лошадьми. Збруя ихъ состояла изъ малиноваго бархата съ золотыми или серебряными украшеніями. Впереди шли скороходы и служители дома въ богатой ливреѣ; потомъ ѣхали музыканты и Пажи верьхомъ, въ синихъ суконныхъ и бархатныхъ кафтанахъ съ золотыми позументами по швамъ; у кареты шли шесть Каммеръ-Юнкеровъ, изъ которыхъ одинъ держался за ручку дверецъ. Отрядомъ драгунъ Княжескаго полка заключалось шествіе.

»Нѣтъ, солнышко мое красное, нѣтъ, ненаглядное мое дитятко, я не могу согласиться на твою просьбу. Что скажутъ твои родители, тетушка?« — »Ахъ! няня Соломанида, сжалься надо мною, умоляю тебя. Сколько разъ ты твердила мнѣ, что любишь меня, что готова жертвовать жизнію своею для моего спокойствія, а теперь отказываешь мнѣ въ такой бездѣлицѣ!« — »Хороша

бездѣлица ! — отвѣчала Соломанида , качая головою—Бога ты не боишься! Ночью ходить-ли красныя дѣвицы по улицамъ , и за кого примутъ меня , старую женщину , если кто попадется намъ на встрѣчу ? « — » Насъ не узнаютъ — продолжала Княжна Марія — я надѣну твой капоръ , твою длинную душегрѣйку, согнусь какъ ты , буду кашлять, упираться на твою клюку ; и тебѣ готовъ нарядъ : Профессора Генингера нѣтъ дома, а у него два парика. Я успѣла унести одинъ вмѣстѣ съ старою шляпою и плащемъ. Позволь мнѣ нарядить тебя , няня. Никто насъ не узнаетъ ! « — »Ахъ! силы Небесныя съ нами ! Да я съ роду не надѣвала мужскихъ уборовъ. Надѣну-ли теперь , стоя уже одною ногою въ гробу , платье Бусурманское ! Съ умомъ-ли ты , Свѣтлѣйшая Княжна ! Помолись Богу лучше и ложись опочивать.«—»Такъ ты хочешь уморить меня , Соломанида ? Я говорила тебѣ , что онъ бросится въ рѣку , если меня не увидитъ , а я не могу жить безъ него ! Ты желаешь , видно , моей смерти ! Видно я тебѣ наску-

чила! « — Здѣсь слезы полились градомъ изъ прекрасныхъ глазъ Княжны Мяріи, она легла на кровать и Соломанида, неприступная Соломанида также заплакала. »До чего я дожила—сказала она—давно пора-бы костямъ моимъ на мѣсто. Подумай, безцѣнное дитятко, о комъ ты вздыхаешь: онъ иновѣрецъ, Бусурманъ. « — » Я люблю его — отвѣчала Меншикова — онъ милѣе всѣхъ для меня! Если его не будетъ на свѣтѣ, и меня не станетъ! Грѣхъ падетъ на душу твою! « — » Да, когда родители твои возвратятся домой и прійдутъ къ тебѣ, что сдѣлаютъ съ моею бѣдною головушкою? « — » Они поѣхали на вечеръ къ Ягушинскому, а мы только на нѣсколько минутъ выйдемъ на берегъ. « — » Пойдемъ-же скорѣе — продолжала няня — гдѣ платье учительское, парикъ? Ряди меня. Видно, за грѣхи мои, Создатель послалъ эдакое наказаніе! « — » Ахъ! няня, добрая няня, ты возвращаешь мнѣ жизнь! « — сказала Княжна Марія, внѣ себя отъ радости, бросясь къ ней на шею.

Кто можетъ быть хитрѣе женщинъ, особливо когда ими управляетъ пламенная страсть? Не безпокойся, читатель: героиня моей повѣсти совершитъ свое отважное предпріятіе безъ малѣйшаго помѣшательства. Никто ее не узнаетъ, никто не остановитъ: ей пятнадцатый годъ, она любитъ!

» Могу-ль вѣрить глазамъ своимъ? — воскликнулъ счастливый Сапѣга, когда Марія приближалась къ нему — Такъ, это она, это ея прелестная осанка, это ножки моей несравненной Маши!« — Съ сими словами подбѣжалъ онъ къ мнимой старушкѣ, схватилъ дрожавшую ея руку и огненные поцѣлуи прервали тишину, царствовавшую тогда на улицѣ. — » Что ты дѣлаешь, Бояринъ? — кричала ему Соломанида, что ты дѣлаешь? Бога не боишься! Развѣ такъ обходятся съ Свѣтлѣйшими Княжнами? Оставь ее или я еще сильнѣе буду кричать!« — Ахъ! няня, не сердись: онъ другъ мой, онъ мой братъ! Ты на бѣду нашу накличешь народъ!« — » Милая, добрая Соломанида! успокойся: я не врагъ твоей

Княжны, зла ей не желаю. Оставь насъ на нѣсколько минутъ: намъ надобно переговорить вмѣстѣ« — » Нѣтъ — отвѣчала съ сердцемъ старуха — скорѣе умру, а не покину ее одну съ тобою. Рехнулся-ль ты, или меня считаешь безумною? « — Тогда Сапѣга вложилъ въ руку Соломаниды нѣсколько золотыхъ монетъ: » Сжалься надо мною, милая, добрая Соломанида; отойди хоть на пять шаговъ: мы останемся подлѣ тебя. « — » Охъ! залетный голубокъ, какъ ты умильно воркуешь! И меня, на старости лѣтъ, растрогалъ до слезъ. Говорите-же скорѣе: я не услышу рѣчей вашихъ, а, между тѣмъ, буду смотрѣть вблизи отъ васъ, на всѣ стороны, чтобы кто не подошелъ къ намъ. « — » Какъ ты узналъ меня въ семъ нарядѣ? « — спросила Сапѣгу Княжна Марія. — » Сердце мое сказало, что это ты: оно съ такою силою забилось, какъ будто хотѣло выскочить. « — » Я исполнила просьбу твою, Петръ. Не повѣришь, какъ больно мнѣ съ тобою видѣться тайкомъ отъ моихъ родителей! « — » Твоя тетка заставила

меня прибѣгнуть къ сему послѣднему средству; иначе не могъ-бы я объясниться: она преслѣдуетъ меня какъ тѣнь.«— »Къ чему сіе свиданіе?« — »Маша, любишь-ли ты меня?« — »Я здѣсь съ тобою, ночью, на улицѣ, и ты еще спрашиваешь: люблю-ли тебя?« — »Будешь-ли любить и въ то время, какъ удалюсь отселѣ?« — »Ты увѣряешь меня въ своей страсти и хочешь разлучиться со мною?« — »Маша, несравненная Маша! Я долженъ оставить тебя на нѣсколько мѣсяцевъ: сего требуетъ отецъ мой, который опасно боленъ.« — »Ты уѣдешь, Петръ, и, навѣрно, забудешь обо мнѣ!«— »Могуль забыть тебя, обладательница моего сердца! Твой ангельскій образъ всегда и вездѣ останется со мною: онъ одинъ только наполняетъ мое воображеніе, одушевляетъ меня. Самая тоска, мой жребій вдали отъ твоей родины — безпрестанно будетъ напоминать мнѣ, что тебя не достаетъ для моего блаженства.« — »Матушка нѣсколько разъ говорила мнѣ: что Поляки столь-же любезны, какъ и вѣтрены; а они, по нес-

частію, твои соотечественники! « — » Я горжусь оковами твоими, для меня сладостными, и ты боишься, чтобы я ихъ не сбросилъ! « — » Но сколько у васъ красавицъ въ Польшѣ! Ты будешь въ кругу ихъ. « — » Я не покину болѣзненнаго одра, на которомъ страждетъ отецъ мой и паду къ ногамъ твоимъ, лишь только онъ получитъ облегченіе. « — » Ахъ! Петръ, какъ время это будетъ продолжительно. — Дождусь-ли я твоего возвращенія? « — » Маша, единственный, нѣжный другъ мой; еще одна просьба: подари меня кольцомъ своимъ, котораго никогда не покину. « — » Возьми, но съ условіемъ, чтобы ты на обмѣнъ далъ мнѣ другое. « — Восхищенный Сапѣга прижалъ ее къ своему сердцу: » Теперь, — воскликнулъ онъ — подъ небеснымъ сводомъ, при блѣдномъ свѣтѣ луны и сіяніи безчисленныхъ звѣздъ, дадимъ, въ присутствіи Міросоздателя, обѣтъ другъ другу: по гробъ хранить взаимную любовь и вѣрность. « — » Клянусь — произнесла дочь Меншикова торжественнымъ голосомъ « — » Полно, наговорились-ли вы?

У меня все сердце вымерло — сказала тогда няня Соломанида — того и смотри, что Господа пріѣдутъ изъ гостей. Матушка Марья Александровна! Пощади сѣдую головушку мою, если себя не жалѣешь; не дай погибнуть ей прежде времени!« — »Ты простился съ моими родными, Петръ, или нѣтъ?« — »Отецъ твой всегда встаетъ въ пятомъ часу утра и я, непремѣнно, явлюсь завтра къ нему.« — »Не забудь тетушки: дождись ея пробужденія.« — »Ни какъ не могу, сердечный другъ: все готово къ моему отъѣзду. Я попрошу отца твоего, чтобы онъ оправдалъ меня въ ея мнѣніи.«—»Будешь-ли ты писать къ намъ?«—»Каждую почту; съ каждымъ нарочнымъ.« — »Пріѣзжай скорѣе, какъ можно скорѣе.« — »Свѣтлѣйшая Княжна Марья Александровна! Да сжалься-же надо мною.«—говорила няня.—»Прости, другъ мой, братъ, будущій супругъ.« — Здѣсь бросились они, проливая слезы, въ объятія другъ другу; долго не могли разстаться, но напоминанія Соломаниды, продолжавшей кричать: »Свѣтлѣйшая

Княжна, Сіятельнѣйшій Графъ! сжальтесь надо мною, надъ бѣдною головушкою моей« — вывели ихъ изъ сладостнаго восторга. — »Прощай, няня! Благодарю тебя за твое усердіе! Утѣшай Машу и молись о скоромъ возвращеніи моемъ!« — »Буду бить земные поклоны Царю Небесному и Пресвятой Богородицѣ — отвѣчала Соломанида — »чтобы они явили надъ тобою Святую милость свою, привели тебя въ вѣру Христіанскую, Православную.« — »Не забудь своего обѣщанія, своей клятвы« — сказалъ тогда Сапѣга Княжнѣ Маріѣ, удаляясь отъ нее. — »Не забуду — отвѣчала ему няня — »каждое воскресенье двѣ свѣчи будутъ горѣть передъ иконами, каждый день стану молиться о твоемъ обращеніи.—Но перестань-же кручиниться, солнышко мое красное, дитятко ненаглядное.« — »Ахъ! няня, няня — отвѣчала ей Княжна Марія — какъ я люблю его и какъ я несчастлива!«

ГЛАВА III.

Медленно подвигается время, когда мы ожидаемъ чего либо съ нетерпѣніемъ и дождаться не можемъ! Минуты кажутся намъ годами, веселье скукою, жизнь тяжкимъ бременемъ. Сіи чувства наполняли сердце Княжны Маріи въ продолженіе мучительной разлуки. Она находилась въ совершенной неизвѣстности о своемъ Сапѣгѣ, не смѣла спросить отца, который, по случаю болѣзни Петра Великаго, всегда былъ пасмуренъ, угрюмъ, пересталъ ласкать дочь, не называлъ ее болѣе *милою, возлюбленною.* Мать хранила глубокое молчаніе, не желая соединить участь Маріи съ ино-

земцемъ и разстаться съ нею; молчала и потому, что видѣла, сколько дочь ея любила Сапѣгу, не хотѣла растравлять сердечныя раны. Тетка сердилась на него съ того времени, какъ онъ, на балѣ, далъ руку племянницѣ, оставивъ ее одну среди шумной толпы; бранила, каждый день, и за грубый отъѣздъ; именовала многихъ Князей и Графовъ Русскихъ, которые провожали ее до кареты, выѣзжая изъ столицы на нѣсколько дней только, почтительно являлись къ ней, съ просьбами осчастливить ихъ какими-либо порученіями: » Меня и самъ Государь Императоръ Петръ Алексіевичь любитъ и уважаетъ, и Государыня, и Великія Княжны, и Герцогъ Голстинскій обходятся со мною наравнѣ съ первыми Придворными Дамами, а молокососъ потому только, что онъ Графъ Польскій, изволитъ важничать передъ Дворянкою старинной Русской фамиліи! Предки мои вѣрою и правдою служили Самодержцамъ нашимъ, проливая кровь свою за Престолъ и Отечество! « — Грозный взглядъ, бро-

саемый на племянницу, всегда слѣдовалъ за сею рѣчью: — Марія сначала огорчалась, потомъ привыкла къ непріятнымъ для нее словамъ, думала: »Какъ-бы я счастлива была, если-бъ и Петръ имѣлъ тетку, которая безпрестанно-бы напоминала ему обо мнѣ! « — Ее вывозили, по прежнему, на балы, гдѣ Марія принужденно улыбалась, казалась веселою. Она должна была участвовать и въ зимнихъ прогулкахъ: каталась на горахъ, въ саняхъ и всегда, вездѣ думала о своемъ Сапѣгѣ. Усилившаяся болѣзнь Государя прекратила собранія и народные праздники: Меншиковъ пересталъ давать пышные обѣды свои, состоявшіе изъ двухъ сотъ кушаньевъ, подаваемыхъ на золотомъ сервизѣ, которые приготовлялись лучшими Французскими поварами; уныніе и сердечная печаль видны были на всѣхъ лицахъ; народъ толпился вокругъ Дворца, навѣдываясь безпрестанно о драгоцѣнномъ здравіи *Надежды-Государя.* Русскіе любятъ Царей своихъ, привыкли почитать ихъ *земнымъ Божествомъ!* — Въ сіи печальные дни, Княж-

на Марія могла свободно проливать слезы: она оплакивала болѣзнь Благодѣтеля и, въ тайнѣ, тяжкую разлуку! 28 Генваря (1725 г.) въ шестомъ часу утра вбѣжала въ ея комнату Варвара Михайловна Арсеньева: »Поздравляю тебя, племянница—сказала она—со вступленіемъ на Престолъ Императрицы Екатерины 1-й.«—Меншикова залилась слезами. »Перестань плакать, дурочка—продолжала тетка—» слезы не возвратятъ намъ усопшаго Государя. Конечно, жаль его, но мы не остались сиротами: Екатерина всѣмъ обязана отцу твоему и, навѣрно, въ ея царствованіе отецъ твой будетъ первымъ Вельможею, главнымъ Совѣтникомъ. Богъ все къ лучшему ведетъ!« — »Ахъ! тетушка—что вы говорите? — прервала ее Княжна Марія — Императоръ облагодѣтельствовалъ домъ нашъ и намъ-ли не чувствовать его милостей, не оплакивать потери невозвратимой!« — »Ты еще мало жила на свѣтѣ, племянница; неопытна. Доживешь до моихъ лѣтъ, и лучше станешь тогда судить о вещахъ.« — »Нѣтъ,

тетушка, воля ваша: въ каждомъ возрастѣ можно чувствовать благодѣянія, умѣть быть благодарною.« — » Но вотъ и Девіеръ пріѣхалъ къ намъ! — прервала ее тетка—» съ какою вѣстію? « — » Знаете-ли вы, Варвара Михайловна — сказалъ Генералъ-Полиціимейстеръ, вошедши въ комнату своей племянницы—» знаете-ли, какимъ образомъ совершилось избраніе Екатерины?« — » Нѣтъ, милый мой — отвѣчала Арсеньева — разскажи намѣ скорѣе! « — » Князь Александръ Даниловичь покрылъ себя сегодни не меньшею славою, какъ и на Полтавскомъ сраженіи: Сенаторы, Генералитетъ и многіе Вельможи, находившіеся во Дворцѣ, заперлись въ одной комнатѣ, когда Петръ Великій испустилъ послѣднее дыханіе, и совѣщались между собою о врученіи Скипетра Великому Князю Петру Алексіевичу, внуку усопшаго Государя. Свѣтлѣйшій хотѣлъ вступить въ тотъ покой, но его не впустили стоявшіе у дверей солдаты, которымъ дано сіе приказаніе. Немедленно Князь Александръ Даниловичь послалъ меня за Иваномъ И-

вановичемъ Бутурлинымъ, Подполковникомъ Преображенскаго полка, поручилъ ему привести одну роту и съ нею прямо пошелъ къ той комнатѣ, гдѣ происходили совѣщанія, приказалъ выломать двери и провозгласилъ Екатерину 1-ю Императрицею Всероссійскою. — Никто не ожидалъ столь смѣлаго поступка, никто не дерзнулъ противорѣчить, и теперь присягаютъ Государынѣ (11)!«— »Поцѣлуй меня, Антонъ Мануиловичь, за пріятную вѣсточку — сказала Арсеньева внѣ себя отъ радости.—Не говорила ли я тебѣ, племянница, что отцу твоему будетъ лучше при Екатеринѣ, нежели при Петрѣ? «

Совершивъ великій подвигъ, Меншиковъ оросилъ слезами охладѣвшій трупъ Монарха — Благодѣтеля своего и немедленно занялся устройствомъ собственныхъ дѣлъ: исходатайствовалъ у Императрицы уничтоженіе всѣхъ коммисій, производившихъ надъ нимъ слѣдствія по казеннымъ подрядамъ и расхищеніямъ; выпросилъ у нее пятьдесятъ тысячь крестьянъ въ разныхъ Губерніяхъ, въ

томъ числѣ городъ Батуринъ, взятый имъ въ 1708 году; сдѣлался вдругъ владѣльцемъ болѣе ста тысячь душъ!

Княжна Марія воспользовалась, однажды, веселымъ расположеніемъ отца своего и осмѣлилась спросить его: что пишетъ къ нему старый Графъ Сапѣга? — »Понимаю тебя, Машинька, — отвѣчалъ Меншиковъ — спрашивая объ отцѣ, ты хочешь знать, куда дѣвался сынъ: не такъ-ли?« — Красавица потупила глаза и нѣжный румянецъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ ея. — »И такъ ты его не забыла?« — »Я привыкла любить его наравнѣ съ братомъ.« — »Успокойся, Маша, и онъ платитъ тою-же монетою: я не сообщалъ тебѣ его писемъ, коимъ нѣтъ числа, единственно по просьбѣ матери твоей, чтобы не возмутить твоего спокойствія. Онъ покушался было и къ тебѣ писать стороною; но, принятыми мною мѣрами, посольства его не имѣли успѣха, и я былъ твоимъ секретаремъ; отвѣчалъ ему: *чтобы онъ берегъ любовныя изъясненія до поры и до времени.*« — »Ахъ! ба-

тюшка, вы огорчили несчастнаго! Онъ такъ чувствителенъ!« — »Э, дружечикъ мой — отвѣчалъ отецъ — кто изъ насъ не любилъ? И я, въ молодыхъ лѣтахъ, былъ пылокъ, и меня, также, проучивали. Но, вымывъ голову сыну, я писалъ и къ отцу, который все хвораетъ: что ты еще теперь ребенокъ, а черезъ годъ, можно будетъ и помолвить васъ.« — »Когда вы писали объ этомъ, батюшка?« — спросила Княжна Марія съ примѣтною нетерпѣливостію.— »Право не упомню—отвѣчалъ Меншиковъ съ улыбкою—» переписка моя съ Сапѣгою не служебная, иначе я послалъ-бы теперь за секретаремъ своимъ, Вистомъ, и велѣлъ ему принести черновый отпускъ той бумаги: ты увидѣла-бы, за какимъ номеромъ она отправлена; котораго числа и мѣсяца.« — »Вы шутите, батюшка—сказала Княжна Марія печальнымъ голосомъ—» нѣтъ, вы никогда не любили, иначе сжалились-бы надо мною.« — »Ого! такъ ты въ правду его любишь? Вотъ тебѣ рука моя, что черезъ полгода онъ будетъ здѣсь« — »Черезъ полгода!« —

повторила дочь, тяжко вздохнувъ. — »Да, черезъ полгода — продолжалъ Меншиковъ — »не прежде. Теперь не до свадебныхъ пировъ: Дворъ и Россія въ глубокомъ трауръ: вездѣ поютъ панихиды, вездѣ раздаются плачь и стонъ, а я, взысканный Петромъ, буду праздновать въ домѣ своемъ помолвку дочери или терпѣть, чтобы женихъ ей говорилъ о любви, когда погребальный факелъ безпрестанно передъ моими глазами! Нѣтъ, Маша, вооружись терпѣніемъ. Шесть мѣсяцевъ не увидишь, какъ пройдутъ.«

Дочь Меншикова чувствовала, что отецъ ея правъ; но мысль, что она увидитъ своего возлюбленнаго *черезъ шесть мѣсяцевъ*, не прежде, ввергла ее въ печаль, которую можетъ только постигнуть пятнадцатилѣтняя дѣвушка, начинающая любить.

---

10 Марта совершилось отпѣваніе тѣла Петра Великаго: дочь Меншикова присутствовала при семъ печальномъ обрядѣ, находясь въ свитѣ Императрицы, и

когда краснорѣчивый Ѳеофанъ Прокоповичь въ кипѣніи горести, въ отчаяніи сердца, воскликнулъ: *До чего мы дожили, Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!* — она, живо вообразила себѣ чувствительную потерю для Отечества, всѣ милости, изліяннныя Монархомъ на ея домъ и соединила стенанія свои съ общимъ воплемъ, потрясшимь своды церковныя!

Глубокая печаль продолжала царствовать въ столицѣ, особенно въ домѣ Меншикова, у котораго пріемныя комнаты были всѣ обиты чернымъ сукномъ, куда стекались Царедворцы въ траурной одеждѣ и гдѣ почетнѣйшее Духовенство возсылало мольбы объ успокоеніи души усопшаго.

Никогда Марія не была столь прекрасна: черное платье придавало новый блескъ бѣлизнѣ лица ея и соотвѣтсвовало цвѣту волосъ, которые, освободясь отъ пудры, небрежно развивались на плечахъ, округленныхъ самимъ Амуромъ; въ темныхъ огненныхъ глазахъ сіялъ радостный лучь надежды; печальная улыбка

на розовыхъ устахъ, нѣжный румянецъ, стройный станъ и вздымавшаяся безпрестанно грудь увеличивали ея прелести. Молодые люди старались нравиться ей, хвалили Княгинѣ Меншиковой красоту ея дочери, услужливали теткѣ, которая имѣла большое вліяніе на умъ отца; но всѣ усилія ихъ оставались тщетными: Княжна Марія была учтива со всѣми, а любила одного только, своего Сапѣгу.

Между тѣмъ одинъ мѣсяцъ слѣдовалъ за другимъ, глубокій, трауръ прекратился, комнаты въ домѣ Меншикова приняли прежній видъ, Царедворцы перестали говорить о Петрѣ Великомъ, занимались только одною Царствовавшею Императрицею, и еще гробница безсмертнаго Монарха стояла на виду, среди храма Петропавловскаго (12), а искатели счастія поклонялись сильному Вельможѣ, котораго не за долго передъ тѣмъ убѣгали, какъ опальнаго.

Прошли шесть мѣсяцевъ — о Сапѣгѣ не было разговора. Князь Меншиковъ не имѣлъ минуты свободной: занимался дѣлами въ своемъ кабинетѣ, выслушивалъ

просьбы, отдѣлывался отъ поклонниковъ, ѣздилъ во Дворецъ, въ присутственныя мѣста. Несчастная Марія не знала, какъ приступить къ нему: душевная печаль ввергла ее, наконецъ, въ болѣзнь. Въ сильномъ жару, говорила она о своемъ Сапѣгѣ, видѣла его передъ собою, изъясняла любовь свою. Нѣжная мать не покидала больную; придворные Доктора окружали кровать ея; отецъ отправилъ нарочнаго въ Варшаву; няня Соломанида молилась передъ образомъ; непреклонная тетка твердила: *что болѣзнь племянницы неопасна, что она притворяется.* Но еще не настала послѣдняя минута жизни Княжны Маріи: искуство медиковъ и попеченія матери произвели желаемый переломъ, и страстный Сапѣга находился уже въ столицѣ, въ домѣ будущаго тестя, въ одной комнатѣ съ своею возлюбленною, только ширмы раздѣляли ихъ, а ее утѣшали скорымъ прибытіемъ его, чтобы дать время совершенно оправиться, не возобновить опасной болѣзни посредствомъ сильной радости; ибо послѣдняя пора-

жаетъ насъ одинакимъ образомъ, какъ и сильная печаль. Столь слабо сердце человѣческое!

» Маменька — сказала, однажды, Княжна Марія — благодареніе Богу я чувствую себя гораздо лучше въ сравненіи съ прежними днями; никогда сердце мое такъ не билось: не знаю, что будетъ со мною, но оно, какъ будто, говоритъ мнѣ, что я скоро, очень скоро, увижусь съ нимъ! Вѣрить ли сердцу, или нѣтъ?« — » Вѣрь другъ мой, оно никогда насъ не обманываетъ. « — » Но гдѣ онъ теперь? Когда выѣхалъ?«—»Его каждый день, каждую минуту ожидаемъ.«— » Какъ! — воскликнула Марія — ужели онъ можетъ пріѣхать сегодни? — » Можетъ, другъ мой. « — » Ахъ! какъ я счастлива, маменька! Велите узнать, не пріѣхалъ ли онъ?«— » Успокойся, милая Маша. Ты еще такъ слаба! « — » Я совершенно буду здорова, если увижу его, услышу, даже, издали голосъ, знакомый моему сердцу. Одна мысль, что онъ пріѣдетъ сюда, что вы согласны составить наше счастіе и тетушка не

будетъ бранить его, приводитъ меня въ восхищеніе, возвращаетъ силы, даетъ новую жизнь. Я только теперь, простите мою откровенность, начинаю наслаждаться жизнію!«—При сихъ словахъ счастливый Сапѣга, не смотря на данное имъ обѣщаніе, бросился къ кровати Княжны Маріи, восклицая: » Маша! неоцѣненная Маша! Я здѣсь, у ногъ твоихъ! «—

Оставляю описаніе взаимныхъ объясненій, упрековъ, изъявленій радости, восторга: языкъ любви кому изъ насъ не извѣстенъ? Скажу только, что всѣ радовались въ домѣ Меншикова пріѣзду Сапѣги, кромѣ злопамятной тетки, которая не смотря на ласки будущаго племянника, продолжала косо смотрѣть на него, и Докторовъ, которые принуждены были прекратить свои посѣщенія.

Вскорѣ прибылъ въ Петербургъ отецъ Графа Сапѣги, Староста Бобруйскій, сановникъ, извѣстный знатностію и богатствомъ: роскошные обѣды Меншикова возобновились и хотя музыка не увеселяла слуха, но взоры всѣхъ радова-

лись, смотря на завидную чету. Старики, полюбовно переговоривъ между собою, ударили по рукамъ. Меншиковъ объявилъ, что даетъ въ приданое за дочерью восемьдесять тысячь пять сотъ рублей. Императрица Екатерина одобрила сей бракъ, пожаловала будущаго свата любимца своего Генералъ-Фельдмаршаломъ и присутствовала 12 Марта (1726 г.) со всею Императорскою Фамиліею, на сговорѣ Княжны Маріи съ Графомъ Сапѣгою. Обрученіе совершилъ Архіепископъ Ѳеофанъ. Императрица сама вручила жениху и невѣстѣ два драгоцѣнные перстня, коими они тогдажъ обмѣнялись. Весь Генералитетъ и всѣ Министры иностранныхъ Державъ были свидѣтелями сего торжественнаго обряда. За обѣденнымъ столомъ находились: Государыня, Герцогъ и Герцогиня Голстинскіе, Цесаревна Елисавета Петровна и Герцогиня Мекленбургская. Домъ Меншикова, освѣщенный разными огнями, прозрачными аллегорическими надписями, гербами хозяина и Графовъ Сапѣговъ; музыка въ богато убранной залѣ; громъ

орудій; танцы; продолжавшіеся послѣ ужина до полуночи и, въ особенности, присутствіе Высочайшаго Двора, придавали сему торжеству весь блескъ, какимъ можетъ только окружить себя временщикъ, утопающій въ нѣгѣ и пышности. Въ слѣдъ за тѣмъ молодый Сапѣга пожалованъ Дѣйствительнымъ Камергеромъ и кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго.

» Данилычь — сказала на другой день сговора Арсеньева Князю Меншикову — » не бобра ты убилъ! Какая тебѣ польза, что любимая дочь твоя будетъ за Полякомъ? Не навлечешь-ли ты справедливаго подозрѣнія соотечественниковъ, покупая имѣнія въ Королевствѣ и родственными связями съ тамошними Вельможами? « — » Но ты сама, прежде, одобряла сей бракъ, хвалила Сапѣгу, любила его? « »Такъ—отвѣчала Арсеньева— я не противилась твоему выбору, когда царствовалъ Петръ, лежали на тебѣ долги неоплатные, производились строгія взысканія: а теперь у тебя болѣе ста тысячь душъ, денегъ и драгоцѣнныхъ ве-

щей бездна, долговъ нѣтъ: зачѣмъ жертвовать напрасно дочерью, огорчать мать ея и меня? « — » Помилуй, Варвара Михайловна, могуль я оставить дѣло, почти конченное, измѣнить своему слову? « — » Можешь и я тебѣ отвѣчаю головою своею, что не Польскій Графъ, а владѣтельный Князь Нѣмецкій за счастіе почтетъ быть твоимъ зятемъ. Вспомни, что ты самъ Герцогъ Ижерскій! Родство съ Сапѣгами унизитъ въ глазахъ Государей иноземныхъ твое достоинство. « — » Но я долженъ щадить стараго Сапѣгу: онъ мнѣ нуженъ для полученія Курляндскаго Герцогства. Тамъ у него много друзей, имѣющихъ сильное вліяніе на дѣла, особенно при выборахъ? « — » Развѣ не льзя отложить брака, ссылаясь на молодыя лѣта дочери, надѣть на честолюбиваго старика Андреевскую ленту, получить желаемое и, потомъ, учтивымъ образомъ взять слово свое обратно? « — » Что скажетъ Императрица? « — » Одобритъ твой поступокъ. Она ни въ чемъ тебѣ не противорѣчитъ. « — » А старый Сапѣга, вспыль-

чивый, неотвязный?« — »Будетъ рваться съ досады въ своей Варшавѣ, да и только.« — »Но дочь моя, милая, безцѣнная Машинька, умретъ съ печали?«— »Перестань бредить: кто нынѣ умираетъ отъ любви? Поплачетъ, поломается, притворится больною на время, а тамъ сама тебя станетъ благодарить.«— »Варвара Михайловна, ты, кажется, говоришь правду; но дай мнѣ подумать.«

И вскорѣ тамъ, гдѣ раздавались радостные клики, гдѣ любовь торжествовала свою побѣду, надежда усыпала цвѣтами путь къ брачному алтарю, полились слезы, водворилась печаль.

23 Марта Сапѣги уѣхали въ Польшу— отецъ въ лентѣ Андреевской.

ГЛАВА IV.

Господа!—сказалъ Графъ Петръ Андреевичь Толстой собравшимся къ нему друзьямъ—настала для насъ благопріятная минута избавить себя и Россію отъ властолюбиваго Меншикова: онъ находится въ Митавѣ, гдѣ старается уничтожить избраніе въ Герцоги славнаго Морица Саксонскаго. Замыслы его безпредѣльны: онъ посягаетъ не на одну Курляндію — хочетъ властвовать и въ Россіи. Государыня снисходитъ ему. Здѣсь нѣтъ предателей — Екатерина теперь не та, которой мы удивлялись въ несчастный Прутскій походъ: изъ безстрашной, твердой, сдѣлалась роб-

кою, мягкосердою. Въ ней не видѣнъ болѣе возвышенный, мужественный духъ Монарха, нами оплакиваемаго. Петръ одинъ управлялъ рулемъ Государства, награждалъ, возводилъ достойныхъ; каралъ, преслѣдовалъ нарушителей законнаго порядка: въ послѣднее время Меншиковъ трепеталъ предъ нимъ, безмолвствовалъ — Петръ постигнулъ его! Друзья! Долголь намъ терпѣть надъ собою временщика надменнаго? Теперь— повторяю—самая счастливая минута низвергнуть его въ первобытное состояніе. Кто изъ васъ согласенъ идти со мною къ Императрицѣ, представить ей всеобщій ропотъ, гибельныя послѣдствія для Государства, непрочность Престола?

Бутурлинъ. — Мы всѣ пойдемъ: но, думаю, не худо-бы предупредить Ея Величество?

Нарышкинъ —Располагайте мною: дѣло наше общее.

Ушаковъ. — И я готовъ *рѣзать* правду (13).

Девіеръ. — Онъ грубымъ, оскорбительнымъ для званія моего обращеніемъ, вывелъ меня изъ терпѣнія: родство мое съ нимъ рушилось. Отвѣчаю, что онъ будетъ немедленно арестованъ, лишь только увижу я Высочайшій Указъ. Полиція въ рукахъ моихъ.

Скорняковъ-Писаревъ. — Единственно для него, понесъ я гнѣвъ Петра Великаго, поссорился съ Шафировымъ и, за всѣ пожертвованія свои, лишенъ мѣста Оберъ-Прокурора, остаюсь безъ должности!

Такъ составлялся заговоръ противъ честолюбиваго Вельможи, котораго Курляндцы отказались избрать въ Герцоги, оправдываясь тѣмъ, что онъ не Нѣмецъ, не исповѣдуетъ Лютеранскаго закона. Уже подписанъ былъ Императрицею Указъ о взятіи его подъ караулъ на дорогѣ: но движимый корыстолюбіемъ Голстинскій Министръ Графъ Бассевичь убѣдилъ Герцога вступиться за любимца счастія. Императрица отмѣнила данное повелѣніе и, со всѣмъ тѣмъ, Меншиковъ не могъ вредить врагамъ своимъ,

столь они сильны были у Двора, въ особенности Толстой, Бутурлинъ и Нарышкинъ!

Чтобы утѣшить оскорбленнаго Вельможу, Императрица пожаловала супругѣ его и тринадцатилѣтнему сыну, бывшему уже Дѣйствительнымъ Камергеромъ, орденъ Св. Екатерины: единственный примѣръ въ Россіи; ибо сей знакъ отличія установленъ Петромъ Великимъ только для однѣхъ Дамъ! Возложила портреты свои, украшенные алмазами, на двухъ дочерей Меншикова; вручила Княжнѣ Маріѣ такойже портретъ, на голубой лентѣ, для ея жениха. Осыпанный милостями Государыни, властолюбецъ старался скрывать внутреннюю досаду; но она яркими красками изображалась на пасмурномъ челѣ его, въ принужденной улыбкѣ.

Въ сіе время Княжна Марія изливала душевную скорбь сестрѣ своей Княжнѣ Александрѣ, столь-же прекрасной, чувствительной: невинное сердце послѣдней не знало еще иной любви, кромѣ той, которую мы должны имѣть къ

Богу, родителямъ, ближнимъ; не постигало, какъ можно печалиться отъ любви и, утѣшая сестру, старалась доказывать, что она напрасно проливаетъ слезы, должна подражать ей. » Я безъ памяти люблю брата—говорила Княжна Александра — и не плачу, не вздыхаю, когда онъ уѣзжаетъ въ деревню съ Профессоромъ Генингеромъ! « — Няня Соломанида также спорила съ несчастною и беспрестанными напоминаніями: *что она беретъ тяжкій грѣхъ на свою душу, выходя за нехриста* — увеличивала печаль. Но болѣе всѣхъ скорбѣла о Маріѣ Княгиня Меншикова. Она не походила на сестру свою: затмѣвая красотою всѣхъ Придворныхъ Дамъ (14), пользовалась общею любовью, уваженіемъ за примѣрную кротость, доброту души; была вѣрная супруга, мать нѣжная, попечительная. Когда мужъ ея побѣждалъ враговъ Отечества, она умоляла его *беречь свое здоровье*, просила и Петра Великаго, *чтобы Онъ написалъ къ нему о томъ*. Императрица Екатерина 1-я называла ее въ письмахъ: *свѣ-*

томъ своимъ, дорогою невѣстушкою; во время отлучекъ изъ Петербурга *благодарила за неоставленіе Дѣтей.*—»Зачѣмъ—сказала, однажды, Княгиня Дарья Михайловна мужу своему—»зачѣмъ откладываемъ мы бракъ Машинькинъ?—Ужели ты не видишь, какъ разлука съ Сапѣгою убиваетъ ее? Она совсѣмъ измѣнилась въ лицѣ; можетъ, снова, занемочь. Драгоцѣнная для насъ жизнь ея, уже была на ниточкѣ!«—»Теперь не до брака, жена—отвѣчалъ Меншиковъ съ сердцемъ—»я долженъ сражаться съ явными и тайными врагами; смотрю въ оба, и безъ моей дѣятельности, можетъ статься, мы давно были-бы въ Сибири.«—»Не понимаю—продолжала Княгиня—»почему счастіе дочери препятствовало-бы тебѣ заниматься дѣлами, брать должныя мѣры осторожности?«—»Она притворяется—отвѣчалъ Меншиковъ—»думаетъ обмануть меня своими вздохами, блѣднымъ лицемъ.«—»Кто тебѣ внушилъ такія странныя мысли, Александръ Данилычь? Ты, прежде, иначе разумѣлъ дочь свою, любилъ ее.«—

» Я и теперь одинаково люблю Машиньку, и потому не хочу спѣшить бракомъ. « — » Развѣ ты располагаешься отказать Сапѣгѣ послѣ сговора, на которомъ присутствовала Царская Фамилія?« — » Признаюсь, Дарья Михайловна, что родство сіе не льститъ меня.« — »Давно-ли? Еще неожиданная новость! « — » Старикъ не помогъ мнѣ сдѣлаться Герцогомъ Курляндскимъ. « — » Но ты самъ былъ въ Митавѣ, и твои усилія остались тщетными? « — » Онъ много обѣщалъ и ничего не исполнилъ. « — » Данное слово должно оставаться непремѣннымъ. « — » Такъ, но обстоятельства перемѣняются. Можемъ-ли мы знать, что будетъ съ нами завтра? « — » Александръ Данилычь — отвѣчала Княгиня Меншикова со вздохомъ — » еслибъ ты съ умомъ своимъ не слушался сестры моей, тогда слава и общая любовь были-бы удѣломъ твоимъ! Она безпокойнымъ нравомъ много вредитъ намъ; ненавидитъ Сапѣгу и тебя вооружаетъ противъ него; старается увѣрить меня, что любитъ дочь нашу и тайно препятствуетъ ея благо-

получію! « — » Сестра желаетъ намъ добра. Она управляетъ моимъ именіемъ, а не умомъ. « — » Такъ Машинькѣ не бывать за Сапѣгою? И ты нанесешь ей смертельный ударъ? « — » Я не думаю уничтожить сговора, а торопить бракомъ еще менѣе. « — Съ сими словами вышелъ Меншиковъ изъ комнаты.

Между тѣмъ готовился въ Россіи важный Государственный переворотъ: здоровье Императрицы начинало разстроиваться. Во всѣхъ церквахъ молились за Екатерину, расположенную къ добру, обходительную со всѣми, и еще надежда утѣшала народъ, Ей подвластный, какъ она, послѣ кратковременной болѣзни, скончалась 6 Маія 1727 года, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія.

На другой день послѣ кончины Екатерины, Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, Святѣйшаго Синода и Правительствующаго Сената приглашены были во Дворецъ. Въ чрезвычайномъ собраніи семъ находился также Генералитетъ,

имѣвшій тогда пребываніе въ Петербургѣ. Юный Великій Князь Петръ Алексіевичь, сѣлъ въ кресла, поставленныя для него на возвышенномъ мѣстѣ. Меншиковъ представилъ духовное завѣщаніе Императрицы, запечатанное. Глубокая тишина царствовала въ залѣ; всѣ желали знать: въ чемъ состояла воля покойной Государыни, слушали со вниманіемъ. »Хотя, » по материнской Нашей любви—вѣщала первая статья духовной—» дочери Наши, Герцогиня Голстинская Анна Петровна и Цесаревна Елисавета Петровна, » могли-бы быть преимущественно назначены Нашими преемницами; но, принимая въ уваженіе, что лицу мужескаго пола удобнѣе перенесть тягость » управленія столь обширнымъ Государствомъ, Мы назначаемъ Себѣ преемникомъ Великаго Князя Петра Алексѣевича. « — Слѣдовавшія за тѣмъ главныя статьи относились до Опеки во время несовершеннолѣтія Императора; опредѣляли власть Верховнаго Совѣта, порядокъ наслѣдія Престола въ случаѣ кончины Петра; *двенадцатая* изумила

присутствовавшихъ : »За отличныя ус-»луги, оказанныя покойному Супругу »Нашему и Намъ самимъ, Княземъ Мен-»шиковымъ, Мы не можемъ явить боль-»шаго доказательства Нашей къ нему »милости, какъ возводя на Престолъ »Россійскій одну изъ его дочерей, и по-»тому приказываемъ какъ Дочерямъ На-»шимъ, такъ и главнѣйшимъ Нашимъ »вельможамъ, содѣйствовать къ обру-»ченію Великаго Князя съ одною изъ до-»черей Князя Меншикова, и коль скоро »достигнутъ они совершеннолѣтія, къ со-»четанію ихъ бракомъ.«—Всѣ молчали, не смѣя изъявлять чувствъ своихъ, хотя внутренно догадывались, что не Государыня, а любимецъ ея составилъ сію статью духовной. »Мы погибли«—сказалъ Толстой Бутурлину.—»Готовъ на все—отвѣчалъ ему Бутурлинъ—»старость и болѣзни сблизили уже меня съ могилою!«

»Машинька—сказалъ Меншиковъ дочери своей, пріѣхавъ изъ Дворца—»милая, безцѣнная Машинька, могуль надѣяться на твою любовь ко мнѣ? Согласишься-ли ты составить благополучіе всего

твоего семейства, быть подпорою, утѣшеніемъ старости моей?« — » Ужели вы сомнѣваетесь въ привязанности дочери вашей? — отвѣчала Княжна Марія съ примѣтнымъ смущеніемъ.—Въ вашемъ благополучіи не нахожу-ли я своего собственнаго?«—» Слова твои искренны?«—» Я не умѣю притворствовать: говорю, что чувствую. «—» Въ состояніи-ли ты, по любви ко мнѣ, сдѣлать пожертвованіе, для тебя тяжкое, конечно, но которое въ непродолжительномъ времени обратится къ собственной твоей пользѣ и славѣ?« — » О какомъ пожертвованіи вы говорите, батюшка?«— спросила Княжна Марія отца своего прерывавшимся отъ страха голосомъ. — » Отъ тебя зависитъ—продолжалъ Меншиковъ—быть счастливѣйшею изъ всѣхъ смертныхъ, заставить всѣхъ завидовать себѣ, повелѣвать всѣми. « — » Я не понимаю васъ: говоря о моемъ счастіи, ужели вы согласны, наконецъ, ускорить моимъ бракомъ, вызвать сюда Сапѣгу?«—» Ты должна забыть его—отвѣчалъ Меншиковъ съ сердцемъ—тебя ожидаетъ луч-

шій жребій. « — » Батюшка—воскликнула Княжна Марія, бросясь на колѣна передъ отцемъ своимъ — сжальтесь надо мною: не разлучайте насъ болѣе, составьте благополучіе дочери вашей! «—» Встань: чего ты у меня просишь? Могули согласиться на бракъ твой съ Сапѣгою, когда Государыня, передъ кончиною своей, завѣщала, чтобы ты сочеталась съ Императоромъ? «—» Съ Императоромъ!— повторила Княжна Марія въ изступленіи горести—Государыня могла располагать Престоломъ, но не сердцемъ моимъ: оно принадлежитъ Сапѣгѣ; никто, кромѣ его, не будетъ владѣть оными и моею рукою. « — » Дочь непокорная! Страшись проклятія раздраженнаго отца. « — » Если я не должна принадлежать ему, позвольте мнѣ, умоляю васъ, оплакивать свое несчастіе въ мирной, уединенной обители? « — » Хороша отшельница! — воскликнула Арсеньева, стоявшая за ширмами въ продолженіе сего разговора.—Читай любовное письмо ея къ Польскому Графу: оно было перехвачено мною. «

Меншиковъ. — Я запретилъ тебѣ переписываться съ нимъ?

Княжна Марія. — Батюшка, вы благословили насъ на сговорѣ: я писала къ будущему супругу своему. У меня есть сестра, которая годомъ только моложе меня, свободно можетъ располагать собою. Охотно уступаю ей права свои на Престолъ.

Арсеньева.—Ты слишкомъ добръ, Александръ Данилычь: просишь, когда можешь приказывать! — (Въ полголоса): Послушайся моего совѣта: не раскаешься!

Меншиковъ. — Когда убѣжденія мои не имѣютъ надъ тобою ни какого дѣйствія, знай, что Сапѣга арестованъ, содержится въ тяжкомъ заключеніи за непозволительную переписку и умретъ вь темницѣ, если ты будешь упорствовать, не откажешся отъ него, не дашь мнѣ слова: исполнять безпрекословно всѣ мои приказанія.

Княжна Марія. — Батюшка располагайте мною какъ вамъ угодно, приказывайте, только, чтобы онъ былъ свободенъ и находился въ безопасности.

Меншиковъ. — Обними меня, любезнѣйшая дочь, радость моя, единственная надежда!

Арсеньева. — И меня также, дражайшая племянница.

Меншиковъ. — Только теперь, съ этой минуты, могу я считать себя благополучнѣйшимъ отцемъ!

Княжна Марія. — А я себя несчастнѣйшею изъ всѣхъ смертныхъ!

Арсеньева. — Глупенькая! Не знаешь сама, о чемъ горюешь. Слюбится послѣ. Отецъ твой и я тебѣ не злодѣи. Повѣрь мнѣ, что и Сапѣга будетъ не менѣе тебя счастливъ: мы устроимъ и его дѣла.

Внезапно въ домѣ Князя Меншикова, на стогнахъ шумной столицы, во всѣхъ концахъ города распространилась вѣсть, что Императоръ, по примѣру Августѣйшихъ Предковъ, вступаетъ въ родство съ своимъ подданнымъ: всѣ спѣшили съ поздравленіями къ любимцу счастія, толпились въ залахъ, въ переднихъ. Няня Соломанида, забывъ старость, немощи, земные поклоны, прыгала отъ радости, цѣловала ручки, ножки своей питомицы,

не называла ее болѣе *краснымъ солнышкомъ*, *ненаглядным дитяткою*, а *Ея Высочествомъ*, исполняя въ точности приказаніе отца! Профессоръ Генингеръ сжегъ парикъ свой, старую шляпу и плащъ, которые въ счастливое время для Княжны Маріи были безмолвными свидѣтелями ея сердечнаго восторга (о чемъ няня Соломанида, по свойственной всѣмъ старушкамъ скромности, проговорилась въ день помолвки Княжны съ Сапѣгою). Онъ надѣлъ праздничный кафтанъ, и явился къ будущей невѣстѣ Императора съ низкими поклонами, букетомъ цвѣтовъ и Латинскою рѣчью, столь же длинною, какъ важный Римскій носъ его. Долго ожидалъ Генингеръ виновницы общаго торжества, которая отговариваясь болѣзнію, проливала горькія слезы въ присутствіи матери; наконецъ, посредствомъ дежурной карлицы, исходатайствовалъ позволеніе произнесть изготовленную имъ рѣчь, вмѣсто Ея Высочества, нянѣ Соломанидѣ. Съ кротостію невинной жертвы, обреченной на закланіе, слушала добрая старушка, въ большихъ Кня-

жескихъ креслахъ, безконечное привѣтствіе Профессора, утѣшая себя мыслію, что *Создатель за грѣхи ея послалъ испытаніе, что посредствомъ временной муки, избавится вѣчной,* но въ скоромъ времени Морфей сжалился надъ нею, началъ смыкать вѣжди: она нѣсколько разъ зѣвнула, перекрестилась и еще Ораторъ читалъ вступленіе, почерпнутое имъ изъ рѣчи Цицероновой противъ Катилины, какъ Соломанида успокоилась въ объятіяхъ благотворнаго сна.

ГЛАВА V.

Изобрѣтателенъ бываетъ честолюбецъ, желающій достигнуть цѣли своей! Отчаяніе дочери внушило Меншикову мысль обратиться съ просьбою къ Ѳеофану Прокоповичу, чтобы онъ, склонивъ Княжну Марію къ добровольному пожертвованію собою, уничтожилъ снѣдавшую ее любовь.

»Здравствуй, прекраснѣйшая Княжна— сказалъ Ѳеофанъ, войдя въ комнату Маріи. — Отъ чего ты грустишь? Уныніе грѣхъ. Да водворится спокойствіе и радость въ семъ домѣ и да бѣжитъ навсегда печаль отъ лица твоего!« — Испросивъ благословеніе у Пастыря и по-

цѣловавъ его руку : » не взыщите — отвѣчала Княжна—что нашли меня въ такомъ смущеніи. Посѣщеніе Вашего Преосвященства неожиданно. «—» Къ чему эти извиненія , дочь моя ? — продолжалъ Ѳеофанъ—Ты видишь во мнѣ друга отца твоего; я носилъ тебя на рукахъ; ты выросла въ глазахъ моихъ ; вотъ мои права на откровенность твою. Сядемъ же и побесѣдуемъ искренно : я знаю , что ты благочестива, всегда помнишь Законъ Божій и вѣдаешь , что повелѣваетъ намъ пятая Заповѣдь ?

Марія. — Почитать родителей.

Ѳеофанъ. — Слѣдовательно , почитая ихъ , навѣрно во всемъ и слушаешься. Например: еслибъ они стали отъ тебя требовать , чтобы ты , для ихъ счастія и для своего блага , перестала думать о любимомъ тобою человѣкѣ—не говоря далѣе — о Сапѣгѣ, ты, безъ всякаго сомнѣнія, не будешь этому противиться ?

Марія. — Я привыкла любить его: могули объ немъ не думать ?

Ѳеофанъ. — Но ты обязана повиноваться своимъ родителямъ ?

Марія. — Они вправѣ располагать рукою моею, и я имъ повинуюсь.

Өеофанъ. — Подумай же теперь, дочь моя, какое обязательство тебя ожидаетъ; съ кѣмъ готовишься ты вступить въ союзъ вѣчный, неразрывный? Сердце твое должно быть свободно, мысли заняты высшимъ предметомъ.

Марія. — Вы сами одобряли мою любовь къ Сапѣгѣ, совершили наше обрученіе?

Өеофанъ. — Прошедшее миновалось: это былъ обрядъ наружный, домашній. Нынѣ всѣ служители Алтаря будутъ молиться о твоемъ благополучіи.

Марія. — Оно ожидаетъ меня за предѣлами гроба!

Өеофанъ. — Приди въ себя, несчастная жертва своего заблужденія: тяжкій грѣхъ лежитъ на душѣ твоей; смирись предъ Высочайшимъ Промысломъ — и не ропщи! Никто не причастенъ твоимъ мнимымъ бѣдствіямъ: тебя погубятъ самонадѣяніе, гордость. Ты внимала обманчивымъ звукамъ, ласкавшимъ слухъ твой описаніемъ прелестей, которыя

безъ добродѣтели исчезаютъ какъ дымъ и, вмѣсто того, чтобы лести противоставить смиреніе, соблазну воздержаніе, ты пала въ разставленныя предъ тобою сѣти, пожертвовала священными обязанностями мечтамъ непозволеннымъ! Гнѣвъ Божій.....

Марія, бросаясь на колѣна предъ Ѳеофаномъ. — Пощадите меня, пощадите умоляю васъ! Я желала бы забыть Сапѣгу, но все мнѣ напоминаетъ объ немъ: просьбы родителей, угрозы ваши, мнимое счастіе, которымъ стараются воспламенить мое воображеніе и которое безъ него становится мнѣ игомъ нестерпимымъ, всѣ предметы, являющіеся глазамъ моимъ, самый воздухъ, который теперь тяготитъ меня, а прежде когда я бывала съ нимъ, казался мнѣ столь же чистымъ, какъ душа его!

Ѳеофанъ. — *Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*. Еслибъ ты принесла Господу, дочь моя, искреннее покаяніе въ своей слабости, которая не иное что, какъ исчадіе отверженнаго духа: то заглушенный порочною страс-

тію гласъ совѣсти твоей пробудилъ бы тебя отъ страшнаго усыпленія. Но ты не чувствуешь разстройства души въ ея основаніяхъ, стараешься, напротивъ, защищать непростительныя влеченія сердца!

Марія. — Молитвы ваши дѣйствительнѣе моихъ, ходатайствуйте за меня у Престола Всемогущаго!

Ѳеофанъ.—Встань, дочь моя, не меня должна ты просить, а Того, который долготерпѣливъ, милосердъ, единый только можетъ даровать покой душамъ нашимъ. *Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его. Просите, и дастся вамъ.* Положивъ начало твоему спасенію, оставляю тебя. Да содѣйствуетъ тебѣ благодать Святаго Духа! Да водворится она въ сердцѣ твоемъ! Слезы сокрушенія сердечнаго однѣ только могутъ примирить тебя съ Богомъ, которому ты покорностію своею принесешь благоугодную жертву.

Еще дочь Меншикова продолжала молиться, какъ услышала голосъ тетки,

которая требовала, чтобы она скорѣе отперла дверь. — »Насило достучалась я къ тебѣ—сказала Варвара Михайловна. — Брось свое затворничество; послушай-ка, что я тебѣ разскажу: Сію минуту представлялся отцу твоему Калмыцкій Посланникъ; цѣль посольства его довольно забавная: Александръ Данилычь, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, подарилъ Хану прекрасную карету, на манеръ Англійской. Одно колесо оной изломалось и Ханъ, чрезъ представителя своего, проситъ теперь прислать ему новое колесо! Обитая въ подвижныхъ кибиткахъ, сей Владѣтель даетъ въ каретѣ аудіенціи Посланникамъ сосѣдственныхъ Князей; обѣдаетъ въ ней въ торжественные дни и велѣлъ отрубить дышло, какъ вещь безполезную и заслонявшую дорогу (15)!«— Княжна Марія, углубленная въ размышленіяхъ, хранила молчаніе. »Я думала развеселить тебя сею новостію — продолжала тетка — но ты не слушаешь словъ моихъ. Теперь у отца твоего большой съѣздъ; пойдемъ, для разсѣянія, въ эту комнату, изъ которой окошко въ за-

лу. Скоро совершится обрученіе твое съ Императоромъ, а ты знаешь Царедворцевъ только по именамъ, не имѣя понятія о достоинствахъ ихъ и порокахъ. Пойдемъ, я познакомлю тебя съ ними.« — »Этотъ почтенный старецъ — говорила Арсеньева племянницѣ своей у окошка — въ Андреевской лентѣ, съ портретомъ Петра Великаго на груди, съ золотою шпагою, осыпанною алмазами, который отличается простою прическою, не носитъ парика — Графъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ. Посмотри, какъ онъ ласковъ, обходителенъ со всѣми; никто лучше его у себя не умѣетъ угощать и, врядъ, найдется ли здѣсь Вельможа любезнѣе его. Онъ извѣстенъ морскими побѣдами своими, спасъ Петербургъ отъ Шведовъ, взялъ Выборгъ, изгналъ непріятеля изъ всей Финляндіи, держалъ въ страхѣ Стокгольмъ, служитъ Царю и Отечеству *радостнымъ сердцемъ и чистою совѣстію* (16); столько любилъ покойнаго Государя, что каждый разъ, когда видѣлся съ нимъ послѣ разлуки, отъ удовольствія проливалъ слезы. Его

девизъ: *лучше смерть, а не невѣрность!*— Вотъ Государственный Канцлеръ Графъ Гаврило Ивановичь Головкинъ, въ большомъ парикѣ изъ русыхъ волосъ, во Французскомъ истертомъ кафтанѣ кофейнаго цвѣта, длинный, сухощавый. Онъ участвовалъ во всѣхъ почти походахъ Петра Великаго, получилъ Андреевскую ленту за разбитіе Шведской эскадры, чрезвычайно свѣдущъ въ дѣлахъ дипломатическихъ; но гордъ, коваренъ, скупъ, корыстолюбивъ и вмѣстѣ съ Шафировымъ, пристрастными допросами, нестерпимою пыткою погубилъ вѣрныхъ Малороссіянъ, доносившихъ на Мазепу, Кочубея и Искру. 1708 годъ пятно въ его жизни! — Съ нимъ теперь разговариваетъ сынъ его въ лентѣ Чернаго Орла, Графъ Александръ Гавриловичь, воспитанный въ чужихъ краяхъ, бывшій Посланникомъ въ Берлинѣ: онъ во время Сѣверной войны умѣлъ удержать Дворъ Прусскій отъ содѣйствія Шведскому, склонилъ Фридриха-Вильгельма къ признанію Россійско-Императорскаго Титула въ 1721 году, не походитъ на отца:

съ умомъ просвѣщеннымъ, соединяетъ доброе сердце. — Не нужно спрашивать: кто этотъ воинъ, величаво идущій? Небольшіе черные усы придаютъ мужественный видъ лицу его, на которомъ начертаны неустрашимость и великодушіе. Всѣ знаютъ фельдмаршала Князя Голицына. Взятіе Нарвы, пораженіе Шведовъ при мѣстечкѣ Добромъ, подъ Лѣснымъ, Полтавою, при Переволочнѣ, Грейгамѣ обезсмертили имя его въ отечественной Исторіи. Онъ, передъ боемъ, когда непріятель былъ слабѣе его, всегда уменьшалъ войско свое, не желая пріобрѣтать побѣду силою. Поступокъ его съ явнымъ недоброжелателемъ останется незабвеннымъ: покойный Фельдмаршалъ Князь Аникита Ивановичь Репнинъ, находился въ опалѣ за неудачный походъ къ Головчину, не любилъ Голицына; но когда Петръ предоставилъ послѣднему просить чего только пожелаетъ: *прими въ прежнюю милость Репнина!* — отвѣчалъ добродѣтельный Полководецъ. — Съ Голицынымъ говоритъ Шафировъ, бывшій Подканцлеръ, человѣкъ низкаго проис-

хожденія, возвысившійся посредствомъ ума хитраго, изворотливаго. Петръ Великій любилъ перо его, а не довѣрялъ ему. Онъ былъ въ ссылкѣ, лишился важной должности, Андреевской ленты и теперь щеголяетъ въ Польской Бѣлаго Орла, лаская временщиковъ. Ему покровительствуютъ потому, что кто изъ насъ не любитъ поклонниковъ? Но если благодѣтель Шафирова сойдетъ съ высоты, онъ первый отвернется отъ него, сдѣлается даже врагомъ бывшаго своего кумира. — Посмотри, съ какими низкими поклонами забѣгаетъ къ отцу твоему Оберъ-Шталмейстеръ Графъ Ягушинскій! Онъ изъ Генералъ-Прокурора превратился въ Придворнаго, пишетъ не указы, а вензели по паркетамъ! — Вотъ и вѣчный хирагрикъ Остерманъ, въ запачканномъ готическомъ кафтанѣ, весь въ пудрѣ и пукляхъ, скорчившійся прежде времени. Петръ Великій говорилъ объ немъ на смертномъ одрѣ, что *онъ, лучше другихъ Министровъ, знаетъ истинную пользу Россійскаго Государ-*

ства, для онаго необходимъ. Онъ никому не смотритъ въ лице, чтобы глаза ему не измѣнили, умѣетъ дѣлать ихъ неподвижными, говоритъ и пишетъ всегда двусмысленно, обѣдаетъ на серебряныхъ блюдахъ, потерявшихъ отъ нечистоты цвѣтъ свой и держитъ служителей въ разодранной одеждѣ! — Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоитъ молодый офицеръ въ Преображенскомъ мундирѣ, пріятной наружности, стройный собою и съ ядовитою улыбкою смотритъ на Остермана: это Князь Антіохъ Кантемиръ, сынъ Господаря Молдавскаго, большой сатирикъ! Онъ прекрасно говоритъ на Греческомъ, Латинскомъ, Италіянскомъ и Французскомъ языкахъ; но въ стихахъ изображаетъ характеры слишкомъ рѣзкою кистію, осмѣиваетъ ропотъ невѣждъ противъ просвѣщенія, введеннаго въ Россію Петромъ Великимъ; даже монахамъ нѣтъ отъ него пощады! Со всѣмъ тѣмъ Ѳеофанъ Прокоповичъ ласкаетъ его, ободряетъ писать стихи! — Тамъ, на сторонѣ, разговариваютъ два Генерала, одинъ въ Андреевской лентѣ, другой въ

Александровской, съ портретомъ Петра Великаго: это Князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ, мужъ ума великаго, твердый характеромъ, краснорѣчивый, предпріимчивый и Григорій Петровичь Чернышевъ. Первый изъ нихъ былъ Посломъ въ Константинополѣ, усмирилъ мятежныхъ Украинцевъ, служитъ нынѣ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ и членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; имѣетъ въ подмосковномъ селѣ своемъ, Архангельскомъ, рѣдкое собраніе историческихъ древнихъ рукописей. Братъ его, Фельдмаршалъ, живетъ и дѣйствуетъ его умомъ. — Вторый получилъ нѣсколько ранъ въ Шведскую войну, воспрепятствовалъ непріятелю взять Новгородъ-Сѣверскій и Ахтырку, занялъ предмѣстье Выборга, сбилъ батареи въ Гельзингфорсѣ, одержалъ совершенную побѣду надъ Шведами при озерѣ Пелкинѣ. — Къ нимъ подходитъ съ веселымъ лицемъ человѣкъ средняго роста въ шитомъ Французскомъ кафтанѣ, въ голубой Датской лентѣ; умъ и честолюбіе изображаются живыми красками на лицѣ его: это Князь

Василій Лукичь Долгорукій, родный племянникъ славнаго Князя Якова Өедоровича, говорившаго правду грозному Монарху. Онъ воспитывался во Франціи, отлично знаетъ языкъ Французскій; былъ Посломъ въ Варшавѣ, Копенгагенѣ, Парижѣ и Стокгольмѣ; умѣлъ удержать Поляковъ на нашей сторонѣ; возстановилъ Данію противъ Швеціи, содѣйствовалъ также вооруженію Пруссіи. Петръ Великій отличалъ его отъ прочихъ Министровъ; отецъ твой посылалъ въ Курляндію; но онъ, безъ всякаго сомнѣнія, во зло употребилъ довѣренность его! — Вотъ и Левъ Васильевичь Измайловъ, Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Маіоръ, извѣстный посольствомъ своимъ въ Китай, умѣвшій поддержать достоинство нашего Двора. Онъ въѣхалъ въ Пекинъ, къ чрезвычайному удивленію жителей, съ обнаженными палашами, отказался стать на колѣна предъ тамошними Министрами, подалъ въ собственныя руки семидесятилѣтнему Канъ-Хи Грамоту Петра Великаго и получилъ отъ него въ подарокъ соболью шубу, которую Импе-

раторъ Китайскій снялъ съ себя. « — Арсеньева хотѣла еще продолжать свой разсказъ , но пріѣздъ Великихъ Княжонъ заставилъ ее удалиться во внутреннія комнаты.

ГЛАВА VI.

» Кажется, дѣла наши идутъ хорошо, Варвара Михайловна? Я Адмиралъ, Генералиссимусъ; Князь Александръ Оберъ-Каммергеръ; бразды правленія въ рукахъ моихъ; Императоръ живетъ въ моемъ домѣ; безъ моего позволенія никто не смѣетъ подойдти къ нему. « — » Хорошо, Александръ Данилычь — отвѣчала Арсеньева — но не совсѣмъ. Государь что-то равнодушенъ къ Машинькѣ. « — » Онъ еще такъ молодъ! Любовь придетъ съ лѣтами; между тѣмъ они привыкнутъ другъ къ другу. « — » Такъ, но Машинька слишкомъ сухо обходится съ нимъ, не можетъ плѣнить его своимъ продол-

говатымъ, блѣднымъ лицемъ и сумрачнымъ взоромъ. Ты не обращаешь вниманія на важнѣйшій предметъ, занимаешься посторонними; тебѣ слѣдовало бы чаще журить ее. Она боится одного тебя; мать гладитъ ее по головкѣ, а слова мои не имѣютъ никакого дѣйствія надъ нею.«— »И то безпрестанно твержу я ей, Варвара Михайловна, чтобы она казалась веселѣе, любезнѣе; но, все по пустому! Между тѣмъ, я внушилъ Государю, что Машинька чрезвычайно стыдлива, застѣнчива; что со временемъ сдѣлается она развязнѣе, будетъ стараться нравиться ему.«—» Что отвѣчалъ тебѣ Императоръ?«—» Онъ молчалъ, слушая, однакожь, со вниманіемъ слова мои.« — »Признаюсь, Александръ Данилычь, мнѣ чрезвычайно не нравится молодой Долгорукій, которому ты позволилъ находиться при Государѣ.«—» Я не могъ отказать ему въ первой просьбѣ. Въ состояніи ли вредить намъ четырнадцатилѣтній юноша? Онъ забавляетъ Государя и только! Ты не повѣришь, съ какою ревностію Долгорукій старается изъявлять

мнѣ свою преданность: онъ кажется ниже травы, когда увидитъ меня!« — »Долгорукій бываетъ у коварныхъ родственниковъ своихъ, которые насъ ненавидятъ: можетъ быть, они совѣтуютъ ему ласкать тебя и рыть яму подъ тобою. На твоемъ мѣстѣ я не позволяла бы ему ѣздить къ нимъ.« — » Въ такомъ случаѣ родственники его каждый день видѣлись бы съ Государемъ, посѣщая Князя Ивана: они опаснѣе ребенка! Къ томужъ Князь Александръ также ни на минуту не покидаетъ Императора, передаетъ мнѣ все то, что онъ дѣлаетъ, говоритъ.«—» А когда совершится обрученіе?« — » 25 Маія — отвѣчалъ Меншиковъ — черезъ восемнадцать дней послѣ кончины Императрицы.«—» Не забудь меня при семъ случаѣ« — сказала Арсеньева улыбаясь. — »Требуй что только придетъ тебѣ въ голову: для тебя нѣтъ отказа.«—» Надобно составить штатъ невѣстинъ: я желаю быть ея Оберъ-Гофмейстериною и брать шагъ послѣ женъ Генералъ-Фельдмаршаловъ.«—» Вотъ тебѣ рука — отвѣчалъ Меншиковъ — что 25

Маія ты будешь Оберъ-Гофмейстериною, а тамъ не худо бы надѣть на тебя и Екатерининскую ленту: не такъ ли? «— »Награждая меня, ты себя награждаешь — отвѣчала Арсеньева — я принадлежу къ дому твоему.«

Тогда вошелъ въ кабинетъ Меншикова секретарь его Францъ Вистъ. »Ваша Свѣтлость изволили требовать краткую записку объ Андреевскихъ кавалерахъ: я составилъ оную. « — » Много ли ихъ на лицо? « — спросилъ Меншиковъ. — » Двадцать шесть человѣкъ — отвѣчалъ секретарь — считая въ томъ числѣ иностранцевъ. « — » Но Русскихъ сколько? « — »Тринадцать, включая Вашу Свѣтлость и Государя Императора. « — » Несчастное число! — воскликнулъ Меншиковъ — дай мнѣ твою бумагу; я исправлю оную. « — » Что ты дѣлаешь?» — вопросила Арсеньева съ удивленіемъ. — » Вымарываю имена главныхъ враговъ моихъ: Толстаго и Бутурлина и, вмѣсто ихъ, хочу включить человѣка, тебѣ знакомаго. « — » Какъ! ты намѣренъ надѣть Андреевскую ленту на тринадцатилѣтняго

Алексашу? « — » Онъ сынъ мой: не чему удивляться! « — » Съ котораго числа прикажете, Ваша Свѣтлость, считать новаго кавалера?» — спросилъ Секретарь. — » Съ 25 Маія. » — (потомъ, подумавъ немного)—Нѣтъ, со дня тезоименитства Государя: не все вдругъ. — Между тѣмъ изготовь рескриптъ и держи языкъ за зубами. « — Вистъ отвѣчалъ низкимъ поклономъ, хотѣлъ выти изъ кабинета, но остановленъ Меншиковымъ. — » Еще забылъ я приказать тебѣ, чтобы на будущій 1728 годъ были взнесены въ календарь, между Особами Царской Фамиліи, имена членовъ моего дома: мое собственное, Княгини, двухъ Княжонъ и молодаго Князя, съ означеніемъ лѣтъ нашихъ и года рожденія. «

Наконецъ наступилъ роковый для Княжны Маріи день, котораго ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ честолюбивый отецъ ея! Весь Петербургъ пришелъ въ волненіе; всѣ сановники спѣшили во Дворецъ Меншикова; народъ толпился у оконъ, чтобы насладиться лицезрѣніемъ юнаго Государя и прекрасной Невѣсты его. 25

Маія, въ исходѣ третьяго часа по полудни, совершилось обрученіе Петра II съ Княжною Маріею послѣ молебна, къ которому приглашены были: Ѳеофанъ Прокоповичь, Архіепископъ Новогородскій; Георгій, Архіепископъ Ростовскій; Аѳанасій Кондоиди, Епископъ Вологодскій и Ѳеофилактъ, Епископъ Тверскій. Главнымъ дѣйствовавшимъ лицемъ былъ Ѳеофанъ, обручившій Марію въ 1726 году съ Графомъ Сапѣгою! На ектеніяхъ именовали ее *Благочестивѣйшею Государынею Маріею Александровною.* Порфироносный Женихъ не имѣлъ, даже, двенадцати лѣтъ, казался ребенкомъ передъ невѣстою, которую украшала семнадцатая весна. Во время обрученія онъ не смотрѣлъ на нее — и Княжна Марія, восходя на Престолъ, орошала первый шагъ къ оному слезами. На сей пышной и, вмѣстѣ, печальной церемоніи торжествовала одна только гордость властолюбца, устроившая ему погибель! Послѣ священнаго обряда, Генералитетъ и иностранные Министры допущены были къ рукамъ Его Величества

и *Ея Высочества* при громѣ инструментальной музыки на хорахъ и играніи на трубахъ и литаврахъ въ галлереи. Въ церквахъ начали поминать дочь Меншикова, какъ обрученную невѣсту Императора.

Чѣмъ ознаменовалъ властолюбецъ день *счастливѣйшій* въ своей жизни? — Наказаніями, ссылками: любимцы Петра Великаго, Графъ Толстой и Бутурлинъ, были лишены чиновъ, знаковъ отличія; первый сосланъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ кончилъ въ бѣдности жизнь, прославленную знаменитыми подвигами; второй отправленъ въ дальнюю деревню; Нарышкинъ также разжалованъ и удаленъ изъ столицы; Ушаковъ, служившій въ гвардіи Маіоромъ, переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армейскій полкъ; Генералъ—Полиціимейстеръ Графъ Девіеръ и бывшій Оберъ-Прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ наказаны кнутомъ и сосланы въ Якутскъ.

За казнями слѣдовали награды: 29 Іюня невѣста Императора, сестра ея, Княжна Александра, и родная тетка, Оберъ-Гофмейстерина Варвара Михайловна Ар-

сеньева, получили ордена Св: Екатерины; сынъ Меншикова пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

» Прїѣздъ мой, навѣрно, не удивляетъ тебя, Князь — сказалъ Меншикову Графъ Янъ Сапѣга, вступя въ кабинетъ его. — Давно совершилъ бы я сїе путешествїе, но былъ удержанъ болѣзнїю въ Варшавѣ; теперь, благодаренїе Богу, чувствую себя довольно въ силахъ, чтобы требовать отъ тебя полнаго удовлетворенїя. « — «Графъ! — отвѣчалъ Меншиковъ съ сердцемъ — ты забываешь, у кого находишься и съ кѣмъ говоришь? Я долженъ напомнить тебѣ, что ты видишь во мнѣ будущаго тестя Императора. «

Сапѣга. — Вижу и желаю знать: почему ты измѣнилъ слову своему, ввергнулъ — какъ мнѣ извѣстно — дочь свою въ несчастїе и, вмѣстѣ, погубилъ сына моего?

Меншиковъ. — Прошу тебя не безпокоиться о дочери моей: она обручена съ Государемъ по собственному ея согласїю.

Я исполнилъ, въ семъ случаѣ, приказаніе покойной Императрицы.

Сапѣга. — Пожертвовавъ дочерью изъ неограниченнаго тщеславія, для своихъ видовъ, слагаешь теперь всю вину на Государыню!

Меншиковъ. — Сапѣга! Ты несправедливо судишь обо мнѣ; составляя благополучіе Машиньки, я имѣлъ въ виду также счастіе твоего сына.

Сапѣга, съ удивленіемъ: — Счастіе моего сына! И ты не стыдишься выговорить сіи слова?

Меншиковъ. — Слушай со вниманіемъ и, потомъ, вини: когда Екатерина объявила мнѣ послѣднюю волю свою, она находилась на смертномъ одрѣ—я не смѣлъ ей противорѣчить! Но и въ сію минуту, тяжкую для моего сердца, ибо я лишался въ ней, не только Монархини — благодѣтельницы — въ сію минуту вспомнилъ о тебѣ, о твоемъ сынѣ и предложилъ Государынѣ, чтобы она изъявила согласіе на бракъ его съ Графинею Софьею Карловною Скавронскою. Императрица одобрила мысль мою и назначила въ прида-

ное племянницѣ своей семьдесять тысячь рублей, нѣсколько деревень въ Россіи и Ливоніи. Теперь желаю знать, Графъ, въ чемъ я виноватъ предъ тобою? Воля Царей законъ священный для подданныхъ! Конечно, говоря откровенно, обрученіе дочери моей съ Императоромъ льститъ моему самолюбію; но родная племянница Екатерины, прекрасная собою, молодая, богатая, кажется, можетъ замѣнить дочь Меншикова. Не такъ-ли?

Сапѣга. — Ты человѣкъ ума необыкновеннаго, Князь Александръ Даниловичь, достойный сподвижникъ безсмертнаго Монарха! Умѣешь поражать враговъ на бранномъ полѣ и, въ мирное время, совершаешь дѣла великія въ своемъ кабинетѣ! Полководецъ непобѣдимый, Министръ проницательный! Давно ли я тебя ненавидѣлъ, хотѣлъ омыть обиду свою въ крови твоей — теперь, обезоруженный тобою, ищу дружбы, забываю прошедшее.

Меншиковъ. — Такъ, Сапѣга, останемся друзьями! Мое покровительство не будетъ для тебя безполезнымъ и ты нуженъ мнѣ въ Польшѣ.

Сапѣга.—Но согласна ли Графиня Скавронская вступить въ мое семейство? За сына я отвѣчаю: онъ молодъ, въ немъ течетъ кровь моя. Еще никто изъ Сапѣговъ не умиралъ отъ любви! Увидитъ свою невѣсту и, навѣрно, ускоритъ бракомъ выгоднымъ для него.

Меншиковъ.—Графиня Скавронская можетъ свободно располагать своимъ сердцемъ.

Сапѣга, обнимая Меншикова.—И такъ вѣчная дружба будетъ спутницею нашею въ жизни.

Меншиковъ. — Надѣйся: я остаюсь для тебя тѣмъ же, чѣмъ былъ.

ГЛАВА VII.

Дочь Меншикова любила посѣщать Петропавловскій соборъ, молиться у гробницы Монарха, который одобрялъ предназначаемый бракъ ея съ Сапѣгою: часто нѣсколько часовъ стояла она неподвижно, смотря на послѣднее жилище Обладателя одиннадцати милліоновъ людей (17)! Только четыре солдата, украшенные медалями за Шведскую войну, были безмолвными свидѣтелями ея душевной горести: стражи вѣрные, сподвижники славы Петровой! Глубокая тишина царствовала въ обители смерти; протекающая рѣка омывала крѣпостныя стѣны, какъ будто желая сблизиться съ тѣмъ,

кого привыкла носить на струяхъ своихъ.

Однажды, выходя изъ церкви, нищій въ разодранной одеждѣ, съ лицемъ блѣднымъ, впалыми глазами, съ черною, густою бородою, растрепанными волосами, съ костылемъ въ рукахъ, просилъ у нея подаянія и въ ту минуту, какъ Княжна Марія вручила ему серебряный рубль, онъ подалъ ей бумагу, преклонивъ главу свою. Садясь въ карету, невѣста Императора раскрыла просьбу несчастнаго и не смѣла вѣрить глазамъ своимъ: — » Ты измѣ-» нила мнѣ, вѣроломная — писалъ Сапѣга— » измѣнила клятвамъ своимъ! Другой бу-» детъ владѣть рукою твоею; ты сядешь » на Престолѣ! но тѣнь моя не преста-» нетъ тебя преслѣдовать. Въ послѣдній » разъ явился я передъ тобою. Отчаяніе » ускоритъ кончину мою и хотя вѣра удер-» живаетъ отъ самоубійства, хотя долгъ » сыновній повелѣваетъ мнѣ беречь жизнь » для престарѣлаго отца; но ты отра-» вила ее своими прелестями и постыд-» ною измѣною; она сдѣлалась для меня » бременемъ несноснымъ — чувствую, что » скоро успокоюсь въ хладной могилѣ.

» Торжествуй побѣду свою; посѣщай гроб-
» ницу великаго Монарха, чтобы заста-
» вить Внука его любить себя, пріобрѣсть
» также любовь народа, надъ которымъ
» желаешь ты царствовать. Лукавство
» главное достоинство женщинъ! Еще
» нѣсколько дней и настанетъ послѣдній
» часъ мой. Помни о своемъ: блескъ ко-
» роны не даетъ безсмертія; стража, охра-
» няющая дворецъ отца твоего, не ос-
» тановитъ истребительницы народовъ и
» Царствъ. Я буду ожидать тебя — для
» отвѣта « — Прочитавъ письмо, испол-
ненное упреками, коихъ не заслуживала,
Княжна Марія почувствовала на сердцѣ
тягость нестерпимую: чрезмѣрная печаль
осушила ея слезы и она, соединяя въ мыс-
ляхъ прошедшее свое съ настоящимъ,
живо представила себѣ, что несчастная
любовь ничто въ сравненіи съ тайною рев-
ностію; что первая, обыкновенно, бываетъ
поддерживаема надеждою; послѣдняя подав-
ляетъ насъ своею силою, не обѣщая ни-
чего утѣшительнаго въ будущемъ!

Карета остановилась у подъѣзда: Прид-
ворные вышли на встрѣчу Княжны Ма-

ріи, проводили ее до внутреннихъ покоевъ. Едва успѣла она войдти въ свой кабинетъ, какъ дежурный Каммергеръ, Князь Алексѣй Дмитріевичь Голицынъ, доложилъ: *что Государь желаетъ видѣть ее, находится въ другой комнатѣ.* — Марія бросила въ печь письмо и, въ ту минуту, Петръ отворилъ дверь. »Я обезпокоилъ васъ, Княжна, — сказалъ онъ — вы лишь только возвратились изъ Собора?«

Княжна. — Посѣщеніе Вашего Величества никогда не можетъ быть для меня безпокойствомъ.

Петръ. — Батюшка вашъ желалъ, чтобы я подарилъ вамъ Италіянскій домъ, который вы хвалили и чтобы я лично объявилъ вамъ объ этомъ.

Княжна. — Ваше Величество симъ подаркомъ увеличиваете благодѣянія, оказанныя вами мнѣ и моимъ роднымъ.

Петръ. — Извините, что я не могу оставаться долѣе у васъ. Я исполнилъ просьбу вашего батюшки. Меня ожидаетъ наставникъ мой, Остерманъ.

Такъ обходился Императоръ съ своею невѣстою. Между тѣмъ отецъ ея вла-

дычествовалъ, всѣ трепетали предъ нимъ. Не терпя совмѣстничества, онъ удалилъ изъ Россіи Герцога Голстинскаго съ его супругою, Цесаревною Анною Петровною, препятствовалъ Царицѣ Евдокіѣ Ѳеодоровнѣ переписываться съ Августѣйшимъ ея Внукомъ (18). Знатные ненавидѣли Меншикова за непомѣрную гордость, неограниченное властолюбіе: увѣренный въ своемъ могуществѣ, онъ презиралъ тайный ропотъ. — Иностранные Дворы оказывали ему особенное уваженіе: Императоръ Карлъ VI[й] пожаловалъ Герцогство Козель въ Силезіи; Король Прусскій препроводилъ сыну его орденъ Чернаго Орла; наслѣдный Принцъ Ангальтъ Дессау искалъ руки Княжны Александры.

Но въ то самое время, какъ Меншиковъ находился въ усыпленіи, враги его дѣйствовали: Князь Иванъ Алексѣевичь Долгорукій, неразлучный другъ Императора, юноша изъ себя красивый, пылкій, смѣтливый, обученъ былъ родственниками своими, въ особенности дядею, Княземъ Василіемъ Лукичемъ, коварству, всѣмъ пронырствамъ, коими отличаются только

утонченные придворные: онъ ненавидѣлъ и ласкалъ Меншикова, старался удалять въ другія комнаты сына его и, занимаясь играми, напоминалъ Петру: сколь опасна для всего Государства чрезмѣрная власть подданнаго, гибельны будутъ родственныя его связи съ Государемъ; повторялъ безпрестанно: что Меншиковъ, со временемъ, посягнетъ даже на Престолъ; что одно слово Царское можетъ обратить его въ первобытное состояніе. Императоръ соглашался съ Долгорукимъ, обѣщалъ до удобнаго случая хранить глубокое молчаніе. Случай сей представился: купечество Петербургское поднесло Петру IIму девять тысячь червонныхъ. Онъ послалъ ихъ въ подарокъ сестрѣ своей Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Меншиковъ встрѣтилъ посланнаго и узнавъ, что онъ несетъ эти деньги къ Великой Княжнѣ, сказалъ: » Императоръ слишкомъ молодъ, чтобъ знать должное употребленіе денегъ: отнеси ко мнѣ, я буду имѣть случай поговорить объ нихъ съ Нимъ.«—Посланный не смѣлъ ослушаться. На другой день, Великая Княжна по обыкновенію приш-

ла навѣстить Государя, который спросилъ у нея: » развѣ вчерашній подарокъ не заслуживаетъ благодарности?« — Она отвѣчала, что не получала никакого подарка. Монархъ былъ симъ весьма недоволенъ и гнѣвъ его еще увеличился, когда Онъ узналъ, что Меншиковъ приказалъ отнесть деньги къ себѣ. — Призвавъ его, Государь съ сердцемъ спросилъ: какъ смѣлъ онъ запретить посланному исполнить его приказаніе? — Меншиковъ, ни мало не ожидавшій такого выговора, былъ сильно пораженъ онымъ и отвѣчалъ, » что Государство нуждается въ деньгахъ, казна истощена, и что онъ намѣревался въ тотъ же день сдѣлать предложеніе Его Величеству о полезнѣйшемъ употребленіи сихъ денегъ; что, впрочемъ, онъ не только выдастъ девять тысячь червонныхъ, но, если угодно Государю, и милліонъ рублей изъ собственнаго своего имущества. « — Петръ, топнувъ ногою, сказалъ: » Я тебя научу помнить, что я Императоръ и что ты долженъ мнѣ повиноваться « — вслѣдъ за симъ Онъ вышелъ изъ комнаты. Меншиковъ послѣдо-

валъ за нимъ, и на сей разъ смягчилъ его неотступными просьбами.

Тяжкая болѣзнь постигла Правителя Имперіи: жена и дѣти окружали одръ его; Княжна Марія подавала ему лекарства, провожала ночи у изголовья Меншикова; Царедворцы безпрестанно навѣдывались о его здоровьи; Императоръ навѣщалъ больнаго; тайные враги, продолжая строить ковы ему, торжествовали.

» Маша — сказалъ Меншиковъ дочери, получивъ нѣкоторое облегченіе — мнѣ было очень, очень трудно: но Всемогущій исцѣлилъ меня для прославленія святаго Его имени. Не могу забыть мучительныхъ сновъ, игравшихъ моимъ воображеніемъ: казалось мнѣ, будто-бы я находился на кораблѣ, который, послѣ продолжительнаго плаванія, разбитъ сильною бурею въ мѣлкіе куски; что выброшенъ волнами на неизвѣстный островъ: тамъ я видѣлъ двѣ могилы, слышалъ погребальныя пѣсни, чувствовалъ, что меня опускаютъ въ мерзлую землю, старался освободить-

ся изъ тѣснаго гроба; но доска давила меня болѣе и болѣе отъ бросаемой на нее тяжести. Тщетно просилъ я помощи: никто не внималъ мнѣ; вопль мой не могъ достигнуть тѣхъ существъ, невидимыхъ мною, которые низвергнули меня съ высоты въ мрачную темницу: вскорѣ дыханіе мое остановилось, кровь замерла въ жилахъ, всѣ чувства притупились.—Сонъ этотъ не одинъ разъ тревожилъ меня! «— » Ужели вы вѣрите снамъ, батюшка? «— спросила Княжна Марія. — » Отцы наши вѣрили « — отвѣчалъ Меншиковъ. — » А я думаю — сказала жена его — что непріятные сны предвѣщаютъ радость, веселые горе: первое сбылось надъ нами тѣмъ, что ты спасенъ отъ смерти. « — » Желательно, чтобъ твое толкованіе было справедливо — продолжалъ Меншиковъ — но, или я еще слабъ, сердце мнѣ другое говоритъ! Болѣе всего, тревожила меня мысль, что я умираю не совершивъ твоего счастія, безцѣнная Машинька: о чемъ же ты плачешь? Надѣюсь, что Сапѣга пересталъ кружить тебѣ голову: у него есть своя невѣста. « — » Невѣста! « —

воскликнула Княжна Марія съ удивленіемъ. — » Да, Графиня Софья Скавронская, племянница покойной Императрицы. « — » И онъ на ней женится ? « — спросила Марія отца своего. — » Разумѣется : дѣло это уже кончено : только бывшій твой женихъ — пишетъ ко мнѣ старикъ Сапѣга — простудился немного на охотѣ и теперь хвораетъ : за тѣмъ остановился бракъ. «

Какъ громомъ пораженная, дочь Меншикова не чувствовала подъ собою ногъ, услышавъ роковую вѣсть : она хотѣла удалиться и принуждена была упасть на стоявшія подлѣ нея кресла. Отецъ не примѣтилъ сего движенія ; мать совѣтовала ей отдохнуть не много, прибавляя: *что Государь можетъ придти, а она отъ усталости совсѣмъ перемѣнилась въ лицѣ.* — Нѣжное сердце Княгини Меншиковой понимало чувства дочери !

» Онъ боленъ ! — говорила Княжна Марія, проливая свободно слезы въ своей комнатѣ — и его принуждаютъ вступить въ бракъ, ему противный ! Можетъ быть, онъ согласится исполнить волю отца,

подозрѣвая меня въ вѣроломствѣ, или умреть съ печали, какъ увѣрялъ въ письмѣ — и я не могу вывести его изъ заблужденія, не могу успокоить, отвратить бѣдствіе, которое намъ угрожаетъ! Несчастная! «

Въ то время, какъ дочь Меншикова предавалась неописанной горести, жертвуя собою для успокоенія отца, послѣдній, освободясь отъ опасной болѣзни, поѣхалъ въ Ораніенбаумъ, свой загородный домъ, для освященія выстроенной имъ тамъ церкви во имя Св: Пантелеймона цѣлителя.

Государь отказался отъ сдѣланнаго ему приглашенія, подъ предлогомъ болѣзни и гордый Меншиковъ во время освященія храма, (3 Сентября) Архіепископомъ Ѳеофаномъ, занялъ мѣсто въ видѣ трона приготовленное для Императора! Въ числѣ посѣтителей находились Генералъ-Адмиралъ Графъ Апраксинъ, Канцлеръ Графъ Головкинъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Голицынъ, Чернышевъ, Головинъ, Бестужевъ, Иванъ Львовичь Нарышкинъ и мно-

гіе другіе Вельможи. Пушечная пальба въ тотъ день не умолкала.

Между тайными врагами Меншикова хитрѣе всѣхъ былъ Остерманъ, Оберъ-Гофмейстеръ, надзиравшій за воспитаніемъ Императора. Онъ сдѣлался извѣстнымъ по славному миру Нейштадскому, управлялъ тогда иностранными дѣлами; съ умомъ утонченнымъ соединялъ прозорливость опытнаго Министра; былъ остороженъ и вмѣстѣ отваженъ, когда требовали обстоятельства; выше себя не могъ никого терпѣть. Давно Остерманъ совѣщалъ съ Долгорукими о низверженіи Меншикова, котораго не любилъ потому, что онъ препятствовалъ ему быть главнымъ, часто не соглашался съ нимъ, грубилъ ему, не уважая званія Вице-Канцлера, носимаго имъ Андреевскаго ордена. Болѣзнь и дерзкій поступокъ Правителя въ Ораніенбаумѣ послужили для его враговъ удобнымъ средствомъ къ нанесенію послѣдняго удара могуществу его. Они уговорили Императора освободить себя и Россію отъ человѣка не полагав-

шаго предѣловъ своему властолюбію, удалили Петра въ Царское село въ то время, какъ Меншиковъ прибылъ въ Петергофъ для свиданія съ нимъ. Считая себя въ прежней силѣ и не видя разставляемыхъ сѣтей, любимецъ счастія, вмѣсто того, чтобы спѣшить къ Государю, отправился на другой день въ Петербургъ, осматривалъ присудственныя мѣста, и съ гордостію давалъ вездѣ приказанія, дѣлалъ распоряженія къ пріему Петра въ своемъ домѣ, запретилъ Казначею Кайсарову отпускать деньги безъ собственноручнаго своего предписанія. 6 Сентября Генералъ-Поручикъ Салтыковъ объявилъ Меншикову, чтобы вся мебель и вещи Государевы были перевезены въ лѣтній Дворецъ. Въ тоже время возвращена мебель сына его, который, въ качествѣ Оберъ-Каммергера, находился при Императорѣ.

Меншиковъ въ замѣшательствѣ своемъ сдѣлалъ важную ошибку, распустивъ по квартирамъ Ингерманландскій полкъ, ему преданный, стоявшій до того въ лагерѣ

на Васильевскомъ острову. 7 Сентября Государь возвратился въ С. Петербургъ, ночевалъ въ новомъ лѣтнемъ Дворцѣ и на другой день рано по утру отправилъ къ огорченному Вельможѣ Салтыкова съ приказаніемъ не вступать ни въ какія дѣла и не выѣзжать изъ дома до дальнѣйшаго повелѣнія. Княгиня Меншикова съ дѣтьми поспѣшила во Дворецъ, чтобы пасть къ ногамъ Государя и его умилостивить; но входъ былъ имъ воспрещенъ. Любимецъ Петра Великаго прибѣгнулъ къ послѣднему средству: онъ написалъ къ Императору, старался оправдать себя, умолялъ: *чтобы солнце не зашло во гнѣвѣ Его;* просилъ увольненія отъ всѣхъ дѣлъ за старостію и болѣзнями; искалъ покровительства Великой Княжны Натальи Алексѣевны; но и это осталось безъ успѣха. Опустѣли гостинныя опальнаго! Только два человѣка остались ему преданными: Генералъ Лейтенантъ Алексѣй Волковъ и Генералъ-Маіоръ Фаминцынъ: они обѣдали у него 8 числа, уговорили его пустить себѣ кровь изъ руки.

9 Сентября велѣно Меншикову ѣхать въ Раніенбургъ, городъ, имъ самимъ выстроенный (находящійся въ Рязанской губерніи) и, съ лишеніемъ чиновъ и знаковъ отличій, жить тамъ безвыѣздно, подъ неусыпнымъ надзоромъ Гвардейскаго офицера и капральства; имѣніе оставлено было при немъ.

Опальный Царедворецъ, сохранивъ свои богатства, предполагалъ имѣть пріятное убѣжище въ Раніенбургѣ, и не теряя надежды, что счастіе снова сдѣлается ему благопріятнымъ, выѣхалъ изъ Петербурга въ богатыхъ экипажахъ, съ многочисленною свитой, какъ вельможа сильный, а не изгнанникъ. Неумѣстная пышность еще болѣе раздражила враговъ его. Въ Твери приказано опечатать всѣ вещи Меншикова, а ему оставить только необходимо нужное. Тутъ богатые экипажи были отобраны, посадили его въ кибитку, съ объявленіемъ, что имѣніе взято въ казну; стража удвоена и надзоръ надъ нимъ усиленъ.

Доселѣ Княжна Марія, утѣшая родителей, восхищалась мыслію, что оковы

ея пали, что она можетъ принадлежать своему Сапѣгѣ — но ударъ чувствительный разрушилъ сладостное упоеніе: въ семи верстахъ отъ Твери тяжкая печаль и неосушаемыя слезы прекратили жизнь ея матери. Не потеря богатства и почестей, коими она мало дорожила, но плачевное состояніе близкихъ къ сердцу, ввергли ее преждевременно въ могилу. Добродѣтельная подруга Меншикова лишилась зрѣнія за нѣсколько дней до своей кончины, переплакавъ горе. Тогда только Марія почувствовала во всей силѣ бѣдственный жребій свой.

Вскорѣ прибылъ въ Раніенбургъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Плещеевъ для произведенія слѣдствія о разныхъ злоупотребленіяхъ и проступкахъ Меншикова. Его обвиняли въ несчастіи Царевича Алексѣя Петровича, Родителя Императора; въ тайной перепискѣ съ Шведскимъ Сенатомъ во время болѣзни Императрицы Екатерины 1й; въ присвоеніи имъ шестидесяти тысячь рублей, принадлежащихъ Герцогу Голстинскому и во многихъ другихъ похищеніяхъ. Онъ

былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ городъ Березовъ, Тобольской Губерніи.

Съ мужествомъ, приличнымъ Герою, услышалъ Меншиковъ грозный приговоръ и, обратясь къ сыну, сказалъ: « примѣръ мой да послужитъ тебѣ наставленіемъ, если ты будешь когда возвращенъ изъ ссылки, гдѣ долженъ я умереть! « — » Какія черныя мысли тревожатъ ваше воображеніе! — сказала Марія, обнимая отца своего — Богъ милосердъ: Онъ наказалъ насъ, Онъ и помилуетъ! « — » И ты успокоиваешь меня, дочь несчастная, жертва моего властолюбія! Я погубилъ тебя, а ты платишь мнѣ любовью, состраданіемъ! « — » Батюшка, вы полагали устроить мое благополучіе, всегда нѣжно любили меня! Поберегите здоровье свое: что будетъ съ нами, безъ васъ, въ странѣ отдаленной, дикой? « — » Еслибъ — прервалъ Меншиковъ — тетка твоя не принудила меня разрушить сговоръ съ Сапѣгою; ты была бы теперь счастлива и не раздѣляла горькой участи моей! « — » Нѣтъ — отвѣчала Марія — счастіе, видно, не удѣлъ мой на землѣ: лишась ма-

тушки, зная васъ въ нищетѣ, въ изгнаніи, могла ли бы я наслаждаться жизнію!«— »Теперь скрываетъ она въ монастырѣ снѣдающую ее печаль о потерѣ громкаго титла и ленты!« — продолжалъ Меншиковъ. — »Будемъ молиться за тетушку — сказала Марія—она также несчастлива!«

Меншиковъ былъ отправленъ съ семействомъ своимъ водою до Казани: Поручикъ Гвардіи Степанъ Крюковской и двадцать отставныхъ солдатъ Преображенскаго баталіона провожали его. Ему позволено было взять нѣсколько дворовыхъ людей (19) — въ числѣ ихъ находилась няня Соломанида, которая не хотѣла разстаться съ Маріею. Заслуженные воины видѣли въ изгнанникѣ бывшаго командира своего (20), оказывали ему уваженіе и терпѣли за то побои отъ офицера, который безпрестанно твердилъ, что *они должны обходиться съ Меншиковымъ, какъ съ ссыльнымъ, что онъ лишенъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ, обязанъ повиноваться каждому изъ нихъ.*

Таково сердце человѣческое! Часто подъ рубищемъ обитаетъ добродѣтель и между сильными міра сего, высокими своимъ званіемъ и богатствомъ, подъ золотою одеждой кроется душа низкая.

ГЛАВА VIII.

Городъ Березовъ находится отъ С. Петербурга въ 4034 верстахъ, лежитъ подъ 63 градусомъ сѣверной широты, на лѣвомъ берегу рѣки Сосвы, впадающей въ Обь, отъ устья въ двадцати верстахъ; съ одной стороны окруженъ рѣчкою Вогулкою, а съ другой буеракомъ, по коему въ весеннее время протекаетъ ручей въ Сосву. Рѣка сія течетъ съ Обью почти въ паралельной линіи; между ними находятся въ большой обширности низкіе луга, которые ежегодно въ полноводіе потопляются, и только одинъ сѣверный берегъ Сосвы по своей вышинѣ бываетъ неприкосновенъ.

Зима продолжается въ тѣхъ мѣстахъ постоянно семь мѣсяцевъ: легкій морозъ считаютъ до 20° по Реомюрову терм:—средній 30, а сильный за 40°. Нестерпимый вѣтръ съ Ледовитаго моря увеличиваетъ жестокость холода; когда падаетъ снѣгъ во время вьюги, изъ яснаго дня, въ нѣсколько минутъ, становится густая для зрѣнія бѣлесоватая тьма; но буря утихаетъ чрезъ два часа. Весною, туманъ, подымающійся отъ болотистыхъ паровъ и таявшаго снѣга до того сгущается, что непроницаемъ не только для зрѣнія, но и для лучей солнечныхъ. Лѣто наступаетъ около половины Іюня; жары продолжаются не болѣе десяти дней и восходятъ иногда до 28 градусовь по Реом., но земля, по причинѣ холодныхъ ночей, таетъ только на четверть аршина, а на возвышенныхъ мѣстахъ на полторы четверти. Дни бываютъ тогда очень длинны, такъ что солнце скрывается на одинъ часъ за сѣверную высокую гору; между тѣмъ какъ зимою разсвѣтаетъ въ десять часовъ по полуночи, а смеркается въ три. Осенъ тамъ считаютъ самымъ непріят-

нымъ и вреднымъ для здоровья временемъ года, по случаю необыкновенныхъ тумановъ и сильныхъ Сѣверовосточныхъ вѣтровъ, безпрестанно увеличивающихъ холодъ: она начинается въ исходѣ Іюля, иногда въ Августѣ, и ее можно сравнить съ нашею зимою. Въ Сентябрѣ рѣки покрываются льдомъ.

Въ сей унылой пустынѣ возвышался на крутомъ берегу Сосвы острогъ, гдѣ нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, углубленныхъ въ землю, долженствовали служить жилищемъ великолѣпнаго Князя Ижерскаго и бывшей невѣсты Императорской. За высокимъ деревяннымъ тыномъ, разсѣяны были, безъ всякаго плана, избы, составлявшія городъ и одна только ветхая церковь напоминала взорамъ, что тутъ, среди снѣговъ и льдинъ, обитали христіане. Въ нѣкоторомъ разстояніи находился таинственный лѣсъ, въ коемъ Остяки, во время язычества, поклонялись столѣтнимъ кедрамъ, приносили онымъ дары свои, обогащая жрецовъ (21).

» Пресвятая Богородица! — воскликнула няня Соломанида, выползая изъ ки-

битки въ Березовѣ. — Куда привезли насъ! Неужели это городъ? И какими людьми населенъ онъ? Точно какъ черти! Ходятъ въ космашой одеждѣ съ волчьими ушами. Ужъ не людоѣды ли они? « — » Успокойся, няня — говорила Марія — это здѣшніе жители, Остяки, народъ дружелюбный, откровенный. Они носятъ оленью кожу и опасны только для дикихъ звѣрей, которыхъ убиваютъ. « — » Да гдѣ мы будемъ жить — продолжала няня, оглядываясь — не за тыномъ ли? Тамъ было бы для насъ безопаснѣе; а то, пожалуй, ни за что пропадешь: убьютъ вмѣсто звѣря! « — » Перестань болтать, старая хрычовка — закричалъ Крюковской — и иди куда укажутъ. «

Вступивъ во внутренность острога, Марія увидѣла желѣзный запоръ съ огромнымъ замкомъ на калиткѣ и сказала трусливой нянѣ: *смотри, какъ насъ запираютъ! Не чего бояться людоѣдовъ!* — Чтобы войти въ хижину, надлежало нагнуться, опустить, сначала, одну ногу въ дверь, похожую на малое окно, потомъ, ставъ на земляный полъ, кото-

рый гораздо ниже двери, просунуть голову и опустить другую ногу. Такъ строятся жилища въ тѣхъ мѣстахъ: земля согрѣваетъ ихъ, тѣсный входъ препятствуетъ распространяться холоду. Не смотря на покорность Маріи къ несчастному жребію, она не могла равнодушно видѣть льдины, коими замѣнялись стекла въ хижинѣ. Меншиковъ казался веселымъ и въ то время, какъ дѣти его грѣлись у *гувала* (22), онъ жалѣлъ, что не было съ нимъ Генингера, который могъ бы вести журналъ любопытнагоихъстранствованія.

Отсюда начинается новая эпоха въ жизни любимца Петрова, достопамятная; ибо онъ, прежде, торжествовалъ надъ врагами Отечества и былъ рабомъ страстей своихъ — въ злополучіи явился побѣдителемъ надъ ними, удивилъ потомство необыкновенною твердостію духа, совершеннымъ самоотверженіемъ. Отчужденный отъ всего міра, среди льдяныхъ пустынь Сибири, Меншиковъ не роптала на Судьбу, покорялся ей съ смиреніемъ и утѣшалъ дѣтей своихъ. Не жалѣя о себѣ, онъ проливалъ слезы о нихъ, и находилъ

себя достойнымъ бѣдствій, его постигшихъ, съ умиленіемъ предавался волѣ Творца. Бывъ прежде сего слабаго сложенія, онъ въ ссылкѣ сдѣлался здоровымъ; изъ получаемыхъ имъ пяти рублей въ день на содержаніе, скопилъ такую сумму, что соорудилъ на нее деревянную церковь подлѣ острога, работая при построеніи оной самъ съ топоромъ въ рукахъ (23). Онъ звонилъ въ колоколъ, когда наступало время церковнаго служенія, исправлялъ должность дьячка, пѣлъ на клиросѣ и читалъ, потомъ, простолюдинамъ назидательныя книги. *Благо мнѣ, Господи* — повторялъ онъ безпрестанно въ молитвахъ — *яко смирилъ мя еси!* — Такъ проводилъ время въ Березовѣ изгнанникъ, котораго нѣкогда мудрый Преобразователь Россіи называлъ *дитятею своего сердца*, Ѳеофанъ Прокоповичь привѣтствовалъ сими словами: *мы въ Александрѣ видимъ Петра!* который возвелъ на Престолъ Екатерину и, передъ ссылкою своею, намѣревался сочетать бракомъ сына съ Великою Княжною Натальею Алексѣевною.

Марія также утѣшала себя молитвами и ходила на рѣку мыть бѣлье. Въ продолжительныя зимнія ночи, когда отецъ ея, при тускломъ свѣтѣ рыбьяго жира, горѣвшаго въ лампадѣ, занимался столярною работою — она изливала сердечныя чувства сестрѣ, вѣрной, неразлучной подругѣ; говорила о своемъ Сапѣгѣ и тихіе вздохи вылетали изъ стѣсненной груди, слезы услаждали душевную печаль. Только окликъ часовыхъ и лай собакъ, на коихъ ѣздятъ жители Березова, прерывали мертвую тишину, царствовавшую вокругъ ихъ жилища.

Единообразно текли дни знаменитой узницы: въ одно утро, 1729 года, возвращаясь въ темницу съ бѣльемъ, примѣтила она сани, мчавшіяся на оленяхъ по дорогѣ Московской, остановилась и, черезъ нѣсколько минутъ, незнакомецъ выскочилъ изъ оныхъ; другой, покрытый рогожею, лежалъ: мрачный видъ его показывалъ, что онъ осужденъ кончить жизнь свою вдали отъ родины. Оставивъ стыдливость, свойственную ея полу, дочь Меншикова подошла къ пріѣзжему

и спросила его: откуда и куда онъ ѣдетъ? — » Изъ Петербурга — отвѣчалъ незнакомецъ — далеко, очень далеко! « — » Изъ Петербурга! — повторила съ неописанною радостію Марія — Не слыхали ли вы тамъ о Графѣ Сапѣгѣ? « — » Сапѣгѣ! Не того ли ты знаешь, красная дѣвица — сказалъ пріѣзжій — который недавно женился на Графинѣ Скавронской, собою видный, пригожій молодецъ? Я любовался, передъ отъѣздомъ, ихъ свадьбою: парочка хоть куда! Но гдѣ у васъ Воевода? Мнѣ надобно свѣжихъ оленей; я долженъ скакать отсюда, не теряя времени. «

Можно представить себѣ, что чувствовала Марія, могла ли отвѣчать незнакомцу? — Она возвратилась въ хижину, бросилась на кровать свою и не вставала болѣе: сильное волненіе произвело въ ней горячку; открылась оспа; не было докторовъ въ Березовѣ и могли ли они помочь, когда душевная болѣзнь превышала тѣлесную? Поколебалась твердость отца: онъ старался сохранить жизнь несчастной дочери и видѣлъ, что новый крестъ ожидалъ его, что Марія прибли-

жалась къ концу земныхъ страданій. » Батюшка — говорила она ослабѣвавшимъ голосомъ — батюшка! Не убивайте себя! Вы должны жить для брата, сестры моей: они пропадутъ одни въ сей полночной, льдистой странѣ. Не сокрушайтесь. Я вижу матушку — она зоветъ меня — я стану молиться за васъ — онъ теперь счастливъ — скоро забылъ свои клятвы — и я буду счастлива — мои страданія совершенно прекратились. — Батюшка, благословите дочь свою. « — Нѣсколько дней продолжалась болѣзнь и Марія, когда приходила въ себя, не переставала умолять отца, чтобы онъ берегъ свое драгоцѣнное здоровье для сиротъ. Наконецъ ударилъ роковый часъ; вѣра сопутствовала ей въ лучшій міръ, уничтоживъ совершенно пламенную страсть: при послѣднемъ дыханіи Марія молилась за родныхъ своихъ, не упоминала болѣе о Сапѣгѣ. Чистѣйшая любовь вѣнчала ее.

Мерзлая земля, вырубленная несчастнымъ отцемъ и служителями его близъ алтаря построенной имъ церкви, въ десяти саженяхъ отъ берега Сосвы — при-

няла въ нѣдра свои бренные остатки осмнадцатилѣтней дочери Меншикова: всѣ жители Березова оказывали живѣйшее участіе въ его горести. Мѣщанинъ Матвѣй Баженовъ (24) помогалъ ему опустить гробъ въ могилу. И дикіе Остяки, смотря на общую печаль, проливали слезы (25)!

Миръ праху твоему, дочь добродѣтельная! Въ кратковременное странствованіе свое ты совершила подвигъ великій, достойный подражанія—пожертвовала собою для успокоенія виновника дней твоихъ. Наслаждайся наградою за свои дѣла; имя твое останется незабвеннымъ и если обитатель береговъ Ледовитаго моря, неиспорченный сынъ природы, гоняясь за своею добычею, будетъ отдыхать на твоей могилѣ — первобытная невинность, въ которой онъ находится доселѣ, послужитъ тогда лучшимъ напоминаніемъ протекшихъ дней твоихъ.

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) См. Анекдоты о Петрѣ Великомъ, издан Голиковымъ.

(2) Дѣянія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ Петра Великаго, часть 1.

(3) Генералъ-Маіоръ Алексѣй Алексѣевичь Головинъ, родный братъ Генерала-Адмирала и Фельдмаршала Графа Ѳедора Алексѣевича, былъ наказанъ такимъ образомъ, въ 1713 году, за брошенныя имъ деньги въ воду.

(4) См. Записки Беркгольца въ Магазинѣ Бишинга, часть XIX, стран. 113.

(5) Такъ назывались балы, введенные въ Россію Петромъ Великимъ по возвращеніи Его изъ-за границы, въ 1717 году.

(6) *Руская Старина*, карманная книжка на 1825 годъ.

(7) То есть: Газеты.

(8) Собственныя слова Князя Меншикова въ наставленіи сыну.

(9) Однажды Петръ Великій, за обѣденнымъ столомъ, сорвалъ парикъ съ Графа Толстаго и, ударяя его по головѣ, произнесъ: »*Голова, голова, если-бы не такъ умна ты была, давно бы я отру-*

бить тебя велѣлъ!« — Смотри Записки Г. Порошина.

(10) Современные писатели винятъ Меншикова въ томъ, что онъ не радѣлъ о воспитаніи Царевича Алексѣя Петровича.

(11) Сіе событіе передано Г. Бишингу очевидцемъ, фельдмаршаломъ Графомъ Минихомъ.

(12) Гробница Петра Великаго стояла среди Петропавловскаго собора по 21 Маія, 1731 года: тогда предана была землѣ.

(13) Петръ Великій, желая знать о чьихъ либо предосудительныхъ поступкахъ, говорилъ обыкновенно Андрею Ивановичу Ушакову: *дѣтина, рѣжь.*

(14) См. Записки одного иностраннаго Министра, бывшаго въ С. Петербургѣ въ царствованіе Петра Великаго, издан. на Французскомъ языкѣ въ Голландіи 1737 года.

(15) См. въ тѣхъ же запискахъ.

(16) Изъ духовнаго завѣщанія Графа Өедора Матвѣевича Апраксина.

(17) Народонаселеніе въ Россіи простиралось въ 1725 году только до одиннадцати милліоновъ, исключая женскаго пола. *См. Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, томъ XVIII.*

(18) Когда взошелъ на престолъ Императоръ Петръ II, Меншиковъ не допустилъ до него Царицу Евдокію Өеодоровну, въ монашествѣ *Елену*, и отправилъ ее за карауломъ въ Москву. Первое письмо Царицы къ Государю было отъ 21 Сентября 1727 года: » Увѣдомилась я, что Князь Меншиковъ, за свои про-
» тивности къ Вашему Величеству, отлученъ отъ
» васъ; и тако пріемлю смѣлость къ вамъ писать и
» поздравить. « и проч.

(19) Изъ письма Тобольскаго Губернатора Князя Долгорукаго къ Графу Владиславичу отъ 19 Іюня 1728 года. Въ ономъ упоминаетъ онъ, между прочимъ, что Меншикову, двумъ дочерямъ его и сыну опредѣлено по рублю на день, а дворовымъ людямъ рубль на всѣхъ, что составляло пять рублей въ сутки.

(20) Меншиковъ былъ Подполковникомъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

(21) Остатки сего лѣса доселѣ существуютъ въ Березовѣ.

(22) *Чувалъ*, подобіе камина, находится въ каждой Остяцкой юртѣ: въ немъ зимою цѣлый день горятъ дрова.

(23) Церковь, построенная Меншиковымъ въ Березовѣ, къ сожалѣнію, сгорѣла въ 1806 году; но фундаментъ оной доселѣ видѣнъ.

(24) Березовскій мѣщанинъ Матвѣй Баженовъ умеръ въ 1797 году, на сто седьмомъ отъ рожденія.

(25) Кончина Княжны Маріи ввергла въ могилу и отца ея: онъ переселился въ вѣчность 22 Октября 1729 года, на 58 отъ рожденія и погребенъ подлѣ дочери своей. Надъ прахомъ ихъ возвышается, нынѣ, земляная насыпь, обведенная деревянною рѣшеткою. Императрица Анна Іоанновна возвратила (въ 1732 году) свободу, Княжеское достоинство и часть описаннаго въ казну отцовскаго имѣнія оставшимся въ живыхъ сыну и дочери Меншикова: первый вступилъ въ Преображенскій полкъ Прапорщикомъ и скончался 1764 года Генералъ-Аншефомъ и Кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго; былъ женатъ на Княжнѣ Голицыной; сестра его выдана за Генерала-Аншефа Барона Густава Бирона, роднаго брата Герцога Курляндскаго и скончалась въ 1736 году, на 24 отъ рож-

денія. Варвара Михайловна Арсеньева кончила жизнь свою въ монастырѣ, прежде 1730 года. Сапѣга, дѣйствительно, женился на Графинѣ Скавронской; ей — по словамъ Бассевича — пожалованъ тогда орденъ Св. Екатерины, можетъ быть, тотъ самый, который носила несчастная Княжна Меншикова.

THE LIBRARY OF CONGRESS

